

ВЛАД КОСТРОМИН

ХООО
ГРАНЕСИ

Влад Костромин

700 граней

«Издательские решения»

Костромин В. А.

700 граней / В. А. Костромин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930378-3

Постмодернистский роман, написание которого автора вдохновило прочтение рассказов конкурса «Новая фантастика — 2018». Начинался как пародия, а вылился в интерактивное действо с положительной обратной связью, втянувшее в себя в качестве персонажей наиболее активных комментаторов.

ISBN 978-5-44-930378-3

© Костромин В. А.
© Издательские решения

Содержание

1 серия – Ни дня без драконов, ходящих в гости по утрам	9
2 серия – Желтый снеговик и зубы дракона	15
3 серия – Королевский сон и КупАла	23
4 серия – Пиццо власти и сплошное несчастье	31
5 серия – Двое из ларца, звон яйца и бесогон в кубе	36
6 серия – Осколки Лунбасса и Рок-н-ролл этой ночью	42
7 серия – Страшная месть индейца Джо	49
8 серия – Червяк без лица и конец огурца, тайны следствия и звездные бедствия	57
9 серия – Фрагментарно, Ватсон!	64
10 серия – Рожая кровь, сжигают любовь жар-птица из ближней заграницы и черная сфера в груди эсера	69
Конец ознакомительного фрагмента.	76

700 граней

Влад Ааронович Костромин

Дизайнер обложки Елена Лев

Редактор LeoNick

Корректор LeoNick

© Влад Ааронович Костромин, 2018

© Елена Лев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0378-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

- 1 серия – Ни дня без драконов, ходящих в гости по утрам**
- 2 серия – Желтый снеговик и зубы дракона**
- 3 серия – Королевский сон и КупАла**
- 4 серия – Пиццо власти и сплошное несчастье**
- 5 серия – Двое из ларца, звон яйца и бесогон в кубе**
- 6 серия – Осколки Лунбасса и Рок-н-ролл этой ночью**
- 7 серия – Страшная месть индейца Джо**
- 8 серия – Червяк без лица и конец огурца, тайны следствия и звездные бедствия**
- 9 серия – Фрагментарно, Ватсон!**
- 10 серия – Рожая кровь, сжигают любовь жар-птица из ближней заграницы и черная сфера в груди эсера**
- 11 серия – Мусорный ветер**
- 12 серия – Бабушка приехала**
- 13 серия – Фонарь под глазом и алюминий с газом**
- 14 серия – Пластмассовый мир победил**
- 15 серия – Натюрморт с макаронами**
- 16 серия – Соединяет потроха седой паромщик**
- 17 серия – А это просто завезли истории болезни**
- 18 серия – А тем, кто ложится спать, спокойного сна**
- 19 серия – Ночь шуршит над головой, как вампира черный плащ**
- 20 серия – И майнеры, горящие в кострах**
- 21 серия – Вечно молодой, вечно пьяный**
- 22 серия – Счастье вдруг в тишине постучалось в двери**
- 23 серия – Эй, ямщик, поворачивай к моргу!**
- 24 серия – И нам помогут молоко и мед**
- 25 серия – Почему так березки в России шумят?**
- 26 серия – Очень скоро, мы исчезнем с экранов цветных мониторов**
- 27 серия – Это возвращение джедаев**
- 28 серия – Я почти итальянец...**
- 29 серия – Нас утро встречает прохладой**
- 30 серия – Нехорошая квартира**
- 31 серия – Письма, письма лично на почту ношу (Нехорошие вести несет нам домой почтальон...)**
- 32 серия – А я рожден железным, я мог бы стать полезным...**

33 серия – Макет оказался сильнее...

34 серия – Яйцо Вексельберда

35 серия – Открывает мир она, и огонь на поражение...

36 серия – Сквозь дыру в моей голове

37 серия – Все ищут ключик, ключик золотой

38 серия – «Любовь Мента» (Маленький принц возвращался домой...)

Благодарности

хотелось бы поблагодарить:

- всех авторов конкурса «Новая фантастика – 2018» за их участие, давшее пищу для моего воспаленного ума и выродившееся в этот роман;
- клуб начинающих писателей «Бумажный слон»;
- чудесную художницу Лев Елену ([Лев Елена](#)) за любезно предоставленную обложку;
- Владислава Погадаева, Игоря Евгеньевича и Кристиана Бэдза за попытку сделать обложку. Ваши варианты не пошли, но идеи с них были взяты;
- талантливую художницу-скульптора Дарью Гараеву (<https://vk.com/dariagaraeva>, https://vk.com/ink_bird_art), изготовившую статуэтку, ставшую центральным элементом обложки;

Участников романа

- Игоря Евгеньевича ([Игорь Евгеньевич](#)) – за неоценимую помощь, кучу советов и диалогов и участие в романе в роли Игоря Евгеньевича;
- Гошу Хомского ([goshahomka](#)) – за неоценимую помощь, кучу советов и диалогов и участие в романе в роли Гоши Хомского;
- [LeoNick](#) – за идею (рассказ «Кошки-мышки»), неоценимую помощь, составление альтернативного содержания, кучу советов и многое другое;
- Эмиля Тургунбаева ([Эмиру Сан](#)) – за неоценимую помощь, отзыв и участие в романе в роли Эмиру Сана;
- Александра Добсона ([Александр Добсон](#)) – за идею (рассказ «Надеждин умирает последним») и участие в романе в роли сержанта Александра Добсона;
- Михаила Рощина ([HEADfield](#), <https://vk.com/headfield>) – за идею (рассказ «Собирая жизни») и участие в романе в роли сержанта Михаила Рощина;
- Ренату Каман ([Renata](#)) – за двух любезно предоставленных персонажей (рассказ «Сказ о последнем драконе») и участие в романе в роли комиссара Ренаты Каманни;
- Людмилу (Людвигу) – за участие в романе в роли Людвиги;
- Ярослава Хотеева ([Хотеев Ярослав](#)) – за проведение конкурса «Новая фантастика 2018» и участие в романе в роли Ярослава;
- Алексея ([Алексей](#)) – за участие в романе в роли Алексея;
- Екатерину Верхову ([Екатерина Верхова](#)) – за проведение конкурса «Новая фантастика 2018» и участие в романе в роли Кати Верховой;
- Александра ([Александр](#)) – (рассказ «То, кем я был») за участие в романе в роли Александра;
- Ангела Солнца ([Ангел Солнца](#)) – за участие в романе в роли бабушки;
- Дарью Сорокину – за участие в романе в роли Даши;
- Асю Оболенскую – за участие в романе в роли Аси Оболенской.

А также ныне покойных

- печника Фирса – за участие в романе в роли печника Фирса;
- Боба-Американца – за участие в романе в роли Боба-Американца;
- Василия Пепу – за участие в романе в роли Васи Пепы.

700 граней

Мне понравилось. Если честно, я давно не претендую быть критиканом и судить что и где лучше. Такая работа – потому что это труд – тяжела и не благодарна, как правило.

Читая сериал 700 граней, я начал признавать мастерство Влада, как писателя. Пусть он и собирает ляпы из конкурсных работ, но сделать из всего этого читаемый рассказ, да не один – а продолжающиеся приключения самых странных персонажей... это стоит похвалы и признания.

Эта – серия двадцатая. Двадцатая!

Кто-то из авторов оригинальных историй, возможно, будет завидовать или уже завидует? Да пусть. Так им и надо.

Обычно ляп – это что-то не имеющее какой-то значимой ценности. Самое большее – может развеселить. Но тут, в этих сериях все несуразности так литературно обработаны, что рассказ становится ценным. Искать смысл можно во многом, но также – и не найти. Много зависит от читателя. От того, что он ожидает и что способен воспринять. Ведь бывают люди, которые просто не могут адекватно воспринимать некоторые моменты.

Я благодарен Владу за его работу. Титаническую! По комментированию работ на НФ-18. Даже при том, что там нет моего рассказа. Я точно знаю, что у меня не хватит терпения каждый день читать по несколько рассказов и выискивать в них спорные моменты. Я слишком подвержен влиянию спонтанности. Для меня важна такая штука как «вдохновение», «настрой» и мой подход слишком нестабилен.

Несколько пунктов о 700 граней:

- написаны очень хорошо, грамотно, что дает легкость чтения
- в них вложен юмор, который поднимает настроение и позволяет сказать, что день прошел не зря
- в них есть смысл, это не случайный набор текста, имен и действий.
- что мне нравится больше всего – это наглядный пример того, как нужно писать. Разве нет? Читается? Читается. Интересно? Да.
- нет лишних деталей

Конечно, не для каждого. Тем не менее, я много хорошего увидел в этом сериале. Я восхищаюсь диалогами (возможно, оттого, что это у меня слабое место). Они написаны так, что у меня не возникает никакого желания что-то менять, переставить местами. Что порой возникает, когда читаешь рассказ написан. В тебе как бы кричит – «что это такое? как можно?!» – и ты чувствуешь неприятие, дискомфорт.

Вообще, можно читать по-разному. Как писатель, как критик и просто, как читатель. Если тексту удалось тебя захватить хоть чем-то, то его читаешь в первую очередь как читатель. И в процессе, если сам пишешь – сравниваешь свой уровень. Если много знаешь и смелый (а может, просто почесать ЧСВ) – то можешь попытаться побыть критиком и разобрать текст.

Для писателя уметь разбирать текст – это полезный опыт и навык. В этом плане Влад – Моцъ. Уже закругляюсь, а то занесло меня...

Эмиру Сан

Постмодернистский мета-роман, на написание которого автора вдохновило прочтение рассказов конкурса «Новая фантастика-2018». Начинался как пародия, а вылился в интерактивное действо с положительной обратной связью, втянувшее в себя в качестве персонажей наиболее активных комментаторов.

Все персонажи и события вымышленные. Любые совпадения являются случайными и не могут служить основанием заподозрить автора в чем бы то ни было.

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения Автора. За нарушение авторских прав законодательством Российской Федерации предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Для желающих помочь автору money.yandex.ru/to/410014049375873

1 серия – Ни дня без драконов, ходящих в гости по утрам

- Скажите, Фай, вас ничего не насторожило?
- Знаете, – заткнув одно ухо берушами и поигрывая шприцом с надписью «Адреналин», ответил милостивый молодой человек, – насторожило.
- Что? – поощрительно спросила девушка в кольчужной стальной маске.
- Оловянная кружка, прикованная к зеленому жестяному бачку, который стоит у вас при входе возле большого напольного зеркала.
- Вообще-то это был не бачок, а наш робот-бармен.
- Робот? Однако, – Фай задумчиво почесал щеку жалом шприца и сделал пару танцевальных па, будто слышал недоступную прочим музыку. – Почему же кружка прикована?
- Воруют, – усмехнулся сидящий рядом с женщиной мужчина с синим бейджем «Криспиан».
- Хорошо, вы нам подходите, – женщина зазвенела маской и заволновалась грудью, обтянутой футболкой с надписью «Лучшая воительница королевства». – Меня зовут Фабиолла, это Криспиан, – а вот он, – указала веером на стоящего возле подоконника худощавого мужчину в майке с черным ящером, – Мартин.
- Чернокнижник, – хмыкнул Криспиан.
- Почему чернокнижник? – спросил Фай.
- Он книги в черных обложках по квартирам разносит.
- Библии?
- Нет, труды Мартина Лютера Кинга, – ехидненько рассмеялся Криспиан.
- А как зовут робота? – Фай спрятал шприц во внутренний карман.
- По-разному, по техпаспорту 2765, но мы называем его Железным дровосеком и Война за ресурсы.
- Почему? – Фай достал из уха и начал задумчиво жевать беруши.
- Потому, что эта жестяная дурилка повадилась жрать туалетную бумагу!
- Ничего себе! – удивился Фай. – Я думал бумагу воруют, а оно воно как...
- А почему Фай? – уточнила девушка. – Да еще и Метов?
- Родители были фанатами Кая Метова.
- Кто это такой? – спросил Криспиан.
- Певец такой был, но это не важно.
- Лучше бы они Егора Летова слушали, – подмигнул Чернокнижник.
- Да ты не дрейфь, Файка, – Криспиан покровительственно похлопал новичка по плечу, – пошли лучше покурим.
- А в офисе нельзя?
- Нет, а то сигнализация так запищит, будто костяной дом рушится. Пошли лучше во дворик, там уютно, по-деревенски.
- Они вышли из приёмной и в заднюю дверь прошли в маленький заплеванный дворик, где почему-то пахло кислым вином и конским навозом.
- Куришь? – Криспиан прикурил вонючую сигару от зажигалки с черным пламенем.
- Да нет, не курю.
- Напрасно, – он понизил голос, – попробуй. От этих сигар начинаешь в зеркале королевства видеть.
- В любом?

– Нет, только в нашем, но все равно прикольно, – совал Фаю портсигар. – Курни, может, повезет и принцессу увидишь. Курни, – уговаривал он, – потом будет стоять как огромный сильный огнедышащий ящер...

– Кстати, как тут у вас с принцессами? – Фай выплюнул беруши и взял предложенную сигарку.

– На Фабиоллу не советую западать, – доверительно выдохнул дым Криспиан, – феминистка и бывшая футболистка. Но если станет совсем невтерпеж, – подмигнул, – можешь поддержать меня за гениталии.

– Чего?!! – драконом вызверился Фай.

– Прикуривай, говорю.

– А-а, – прикурил, – а то мне показалось...

– Бывает... Это у меня аллегории такие, привыкай, – Крисп откинул голову, заложил левую руку за обшлаг пиджака и продекламировал:

Что дерево сухое, протягивая руки,

Стою я на краю у пропасти своей.

Живя один, с тобой в разлуке,

Как камень, брошенный среди людей.

– Сам сочинил?

– Нет, – он снова выдохнул дым, – кореш мой один. Хлебал отвар мухоморный, да стишки клепал. Пропал...

– Соболезную.

Они стояли и молча курили.

– Если что, то у нас еще одна есть, – Криспиан выбросил окурок через стену и потянулся.

– Нормальная?

– Не принцесса, конечно, но женщина видная. Клавдия, наша клиринговая компания.

– Кто???

– Уборщица, воду в ведрах таскает и на пол выливает. По-современному это называется не поломойка, а клиринг.

– Небось, старая?

– Да нет, молодая, только...

– Что?

– Считает себя Розой из сериала и еще... весит пудов десять. Но зато сильная, дракона унести может.

– Хм...

Они пошли обратно и в дверях столкнулись с высоким мужчиной. Уверенная походка и черные волосы ниже пояса, прикрывающие наготу как юбка, выдавали в нем человека непростого. Хищные черты лица и неестественно яркие синие глаза приковали взгляд Фая.

– Чего уставился? – грубо спросил мужчина.

– Ничего, Ричард, он ничего, – примирительно поднял руку Криспиан.

– Я не тебя спрашиваю, нарик. Чего вылупился, чмо прямостоячее?

– Да я... – попятился Фай, и на всякий случай сунул руку в карман, нащупывая шприц.

– Мы еще встретимся, – Ричард погрозил пальцем и длинно сморкнулся на бетонную стену.

Криспиан потянул растерявшегося Фая.

– Чего это он?

– Не обращай внимания, это Ричард Красивый, бывший стриптизер. Корчит из себя мачо, а так безобидный, как любое зашуганное чмо.

– Точно? – Фай опасливо оглянулся.

– Ну... в бане со спины лучше не подпускай, – Криспиан поежился каким-то воспоминаниям.

– А чего он голый?

– Мнит, что на нем экзоскелет.

– Правда?

– Истинная, он еще расписание работ по ладони смотрит. Будто там сколковский онано-дисплей вшит.

– Офигеть!

– И не говори.

– А чем вы тут занимаетесь?

– О, наконец-то первый дельный вопрос. Мы работаем, чтобы сказку сделать былью.

– Это как?

– Скоро узнаешь.

Казалось, что дождь лил прямо с луны. Дмитрию Эразмовичу Никонову, или Дэну, как называли его когда-то сослуживцы, не спалось. Отставной военный, отдавший долгие годы жизни службе по контракту, после сердюковской оптимизации с трудом нашел место смотрителя маяка при городском парке аттракционов и коротал долгие вечера за стаканом самогона и теорией личностных акцентуаций К. Леонгарда. Самогон он гнал плохой, но это было дешевле, чем магазинная водка и безопаснее, чем популярный в простом народе «Боярышник».

В дверь постучали. Александр, единственная любовь Дэна, поднял уши и заворчал.

– Лежи, я сам открою, – Дэн с тоской покосился на стакан с мутной жидкостью, встал, оправил старый китель, взял из-под лавки заржавевший от крови топор и подошел к двери.

– Кто там?

– Откройте!

– Кто там?

– Откройте!

– Замкнутый цикл, – сказал Дэн. – Алгоритм не прописан.

Александр согласно застучал хвостом по полу.

– Надо открыть, а то консервы уже надоели, – Дэн распахнул дверь.

За дверью обнаружился субъект в длиннополом плаще.

– Добрый вечер.

– Кому как, – Дэн попытался прикинуть комплекцию незнакомца, но зыбкий свет умытой дождем Луны и плащ мешали.

– Я войду?

– Общественный туалет дальше.

– Пустите погреться, ночь свежа.

– Входите, – Дэн пропустил незнакомца.

Войдя, тот сразу скинул со спины тяжелый солдатский ранец, плюхнулся на лавку, схватил стакан и опрокинул в себя, держа хозяина в поле зрения. Дэн с тоской посмотрел на перстень со снотворным. Мужчина перехватил взгляд.

– Вы не пид... р? – сквозь зубы спросил он.

– Нет, – Дэн простодушно не считал педерастией любовь к Александру. – А что?

– А ничего, – незнакомец вытянул из-под плаща голые ноги, – просто я их не люблю.

Александр глухо заворчал.

– Это почему же? – Дэн закрыл дверь и вернулся к столу, прикидывая, как набрызгать меньше крови.

– Не люблю и все!!! Просто не люблю! Была бы моя воля, – незнакомец треснул кулаком по столу, – я бы им в жопу вставил гранаты и бах! Куски мяса и кишок! Шок!

– Вы в армии-то служили? – презрительно спросил Дэн, вспомнив, как годами скрывал от грубых и неотесанных сослуживцев свою инаковость.

– Служил, не служил, какая разница? У меня яйца стальные! – незнакомец задрал плащ, демонстрируя обнаженное тело, но Дэна больше заинтересовали две гранаты РГД-5, болтающиеся возле гениталий. – Я киборг четвертого уровня! А ты кто?

– А я прапорщик бывший.

– Тогда давай накатим, – киборг по-хозяйски подгрёб бутылку. – Ты топор-то положи, не обижу.

Дэн хмыкнул, положил топор и присел к столу. Александр незаметно напрягся, ожидая сигнала.

– Второй рюмки нет?

– Нет, зачем мне две? Я один живу.

– И то верно, – солдат налил в стакан, протянул хозяину, – за знакомство, – чокнулся бутылкой, присосался к горлышку. – Меня Михаил зовут, Иванович.

– А я Дмитрий Эразмович.

– Отчество мне зачем? – удивился киборг.

– Вы же отчеством представились.

– Вот чудак человек. Это фамилия у меня такая, – заржал киборг. – Болгарин я.

– Вроде Киркорова?

– Сам ты Киркоров! Была бы моя воля!

– Знаю, уже знаю. Так что привело под мой кров в столь поздний час?

– Кто ходит в гости по утрам, – усмехнулся Михаил. – Солдат я... дембельнулся... домой ехал... да в поезде в карты проигрался, – снова хрястнул по столу. – Ненавижу! Шулера! Все они пид... ры поганые!

В дверь постучали.

– Ждешь кого? – Иванович нервно бросил левую руку к гениталиям. – Время позднее, – посмотрел на старые «командирские» часы на правом запястье.

– Нет, не жду.

– Сходи, открой. Да положи ты топор, косячина рукожопая! Без топора отобьемся, я отвечаю!

Дэн открыл дверь. За дверью стояла юная девушка в красной накидке и с корзинкой в руке.

– Здравствуйте, можно войти?

– Ну... – Дэн оглянулся.

– Там баба? – прошептал Иванович.

– Да, – одними губами ответил Дэн.

– Впускай! – Михаил приветственно махнул рукой и до поры запахнул плащ.

– Входите, – Дэн исполнил роль швейцара.

– Здравствуйте, – поздоровалась с солдатом девушка. – Меня Сарф зовут.

– Как?

– Сарф, но можете звать просто Малютка Грэн.

– Я Михаил, это Дэн, проходите, присаживайтесь.

Девушка поставила корзинку на стол и откинула капюшон, выпустив под свет лампы две светлых косички.

– Тут пирожки, мы на пикник собирались, да дождь пошел.

– Так здесь и проведем, – потер руки Михаил. – Бухло есть, пирожки...

– А где ваши друзья? – поинтересовался осторожный Дэн. – Много их?

– Коля, Дима, Наташа и Ира, четверо. Они где-то потерялись, – небрежно ответила девушка. – Можно, я схожу попудрю носик?

– Конечно, туда, – хозяин показал рукой.

Мужчины остались одни.

– Баба! – в восхищении прошептал Иванович. – Разрази меня, баба!

– Ты совсем того, она же явная малолетка!

– Я два года без бабы! Два года! А тут такая краля!

Дэн поморщился.

– А ты чего сморщился? Аль ты из этих? – Михаил сунул руку под плащ и звонко щелкнул по гранате.

Александр зарычал.

– Как, кстати, Бобика зовут?

– Александр.

– Защитник людей? Ничего себе. И как, защищает тебя? – солдат похабно улыбнулся.

В комнату вернулась Сарф.

– Скажите, а сколько вам лет? – в лоб спросил Дэн.

– Четырнадцать, пятнадцать, какая разница? Около восемнадцати, а что?

– Ничего, все отлично, – перехватил инициативу Михаил. – За знакомство? – щелкнул по горлышку бутылки.

– А вы меня не обидите?

– В обществе такой сладкой и хорошенькой девушки даже кровожадное чудовище будет вести себя примерно, – рукой он потянулся к ленточке в ее косе.

– У меня и стаканчики есть одноразовые, – девчонка начала разгружать корзинку. – Пирожки с мясом и луком и с яйцами есть.

– У меня яйца стальные, – воспользовался Михаил, – я киборг четвертого уровня!

– Как интересно, – прощбетала Сарф.

Теперь она казалась постарше. Может из-за освещения, а может из-за остатков кокаина на носике.

– В Британии делали, на японских микросхемах, – хвалился Михаил. – Ну, за знакомство, – разлил по стаканчикам.

Выпили.

– Ты сам, где служил? – спросил у хозяина Михаил. – При штабе, писарем?

– Нет, кинолог я. При штабе...

– А меня на войну загребли! Помню, двое солдат упали рядом со мной, у одного череп был порван в клочья, осколками поцарапав меня, второму пуля угодила в печень, и оттуда хлынул фонтан крови.

– А с кем вы воевали? – Грэн сделала заинтересованными глаза.

– С пид...рами! Они инопланетяне, которые прилетели высосать наши мозги и сожрать наших кошек! Мы их разбили и теперь они маскируются под бухгалтеров и налоговых агентов!

– Тяжело вам там без женщин было?

– Знаешь, справлялись, – солдат снова налил, – хотя я этих, которые того, не того, не люблю, но приходилось... для здоровья...

Александр снова зарычал.

– И будь моя воля, я бы им в жопу вставлял...

– Вы сторонник анального секса? – заинтересованно перебила девушка.

Михаил поперхнулся, Дэн посмотрел на топор, Александр на Дэна, девушка поправила спрятанный под накидкой нож. В дверь постучали.

– Твои друзья? – спросил Михаил.

– Я откуда знаю? – она облизала губы розовым язычком.

Иванович невольно снова сунул руку под плащ. Дэн открыл дверь. За ней обнаружился зеленый жестяной бак с прикованной оловянной кружкой.

– Я 2075-й. Бесконечность не встречали? – спросил бак.

– Нет, – кратко ответил Дэн. – Водка это яд, – сам себе сказал он.

– А Первого нет? – продолжал дребезжать бак.

– Нет!

– Ну, так я пойду?

– Ступайте, – Дэн закрыл дверь и вернулся к столу.

За это время обстановка изменилась. Михаил, одев налобный фонарь, самозабвенно вещал о войне: «Пуля прожгла одному живот, он прижимал вываливающиеся кишки, пока второй бежал вперёд. Недолго он бежал...»

Девчонки нигде не было видно, Александр сидел с ошалевшими глазами и возбужденным естеством. Дэн проследил за взглядом любовника, пригнулся и заглянул под стол. Девушка самозабвенно делала минет, играясь с гранатами. Почувствовав приступ желания, Дэн пристроился к Александру.

– Пид... ры!!! – истошно заорал киборг. Вырвав гранату, швырнул в разнородную смывку.

Опрокинул стол, закрываясь от взрыва.

– Как я их, а? – истошно проорал он, вскочив и любясь месивом. – Даже кончил! Гляди, вон кишки, вон шмат мяса!

– Молодец, милый, – девушка вытерла испачканные губы и, не вставая с колен, всадила нож в пах солдата.

– А-а-а! – закричал он, хватаясь за рану и стигаясь, словно складной нож.

Ударился лбом о столешницу и затих.

– А пугали как. Баба-Яга, баба-Яга, – девушка сняла часы с руки трупа, вырвала уцелевшую гранату, отрезала кибернетические яйца, встала. – Нет тут никакой бабы-Яги.

В дверь постучали. Подошла, приоткрыла. За дверью стояло нечто бесполое.

– Я Элеутер, – сказала бесполое. – Первый еще не приходил?

– Иди на ...! – девушка закрыла дверь.

Обернулась. Перед ней стоял Михаил Иванович в налобном фонарике и с топором в руке.

– Консервы надоедают, – сказал он, – свежатинки хочется.

– Миша, я все объясню. – Сарф попятилась и уперлась спиной в дверь. – Миша не надо!!!

Топор будто сам собой проломил череп, забрызгав кровью, мозгом и костяным крошевом светлые косички.

Михаил Иванович оглянулся и увидел Михаила Ивановича с топором в руке.

– Ты кто? – закричал он.

Гранаты начали мелко позванивать.

– Я Первый! Отит у меня! – топор в руке Михаила Ивановича проломил череп другому Михаилу Ивановичу.

За спиной убийцы вставал следующий Михаил Иванович...

2 серия – Желтый снеговик и зубы дракона

Этот снеговик беспокоил Мэлиссy. Казалось бы, толстенький, в очках, с красным шарфом в синюю полоску, и даже с бородой, немыслимо похожий на отца, он должен вселять уверенность, а не нет. Мэлиссy он беспокоил, и немудрено. За окном был июль. В чашке плескался двойной латте с медом и орехами. Снеговик стоял на лестничной площадке и пялился на ее дверь. В разбитое лестничное окно влетел сокол и врезался в голову снеговика. Снеговик начал желтеть, а после плавиться.

– Бред какой-то, – сказала Мэлисса и, выплеснув остатки кофе на бетон, вернулась в квартиру, играть на висящей на стене гитаре песню «Голубая мечта!» о приятелях Виджее и Стиве.

Из-за снеговика выглянул десятилетний мальчик с небольшими нашлепками на плечах, обернутым вокруг шеи хвостом саблезубой кошки и не спеша застегнул ширинку.

– Отечество в опасности! – произнес он. – А они тут на фей охотятся, придурки! – закурил и насвистывая «How Much is The Fish» SCOOTER-a, пошел по лестнице вниз.

Из обитой кожаном двери напротив выглянул покрытый холодным потом доктор ван Э, Бонцен. Брезгливо ковырнул мохнатым лиловым тапочком кучу желтого снега, оставшуюся от снеговика, выковырнул сокола.

– Х-м... птичка... интересно, рыбы там нет?

Дальнейшие раскопки привели только к мокрым тапкам и находке надкусанной морковки и шарфа.

– Бред какой-то, – доктор брезгливо понюхал шарф и посмотрел в окно, на более низкие, чем их небоскреб, стеклянные строения. За окном был июль. – Пора завязывать с миксом кокаина и высушенной темной материи, я не Шерлок Хаос и даже не доктор Хаус, – сказал он и скрылся за дверью.

Накинул шарф, завис в прихожей перед зеркалом, изучая свое отражение. Если долго всматриваться, кажется, что меняются черты лица, что-то движется... Брр, лучше бросить все это. После кошмара, спросонья, лезет в голову всякая чушь... Надо нюхнуть...

Шаги за спиной, будто матерый перепончик шлепает по лужам. Доктор резко обернулся – никого.

– Решительно, мне пора с этим завязывать, – вслух решил он и звучно почесал живот, ища пупок, которого у него с рождения не было.

В дверь позвонили. Доктор, воровато сдернув шарф и бросив его в комнату, приоткрыл дверь, не забыв накинуть на нее цепочку. За дверью стояла сморщенная женщина в космическом скафандре с открытым забралом.

– Я Ангел Солнца, одна из корифеев космической программы. Не желаете прослушать презентацию?

– Чего???

– В течение многих лет звезды манили землян. К сожалению, это перестает быть правдой.

– Что вам от меня надо?!

– Есть неплохая мысль. Запустим пять парней и пять девушек в нашу колонию на Луне. Пусть они там поживут. Устроим конкурсы. Например, кто первым поимеет девушку в скафандре.

– Какая колония на Луне??? У нас нет колоний на Луне!!!

– Тогда запустим их в Южное Бутово или на мусорный полигон в Подмоскoвье, так еще прикольное.

– Идите к Хаосу! – Э, Бонцен захлопнул дверь. – Откуда берутся эти психи? И почему консьерж их пропускает?

В дверь позвонили. Доктор рывком распахнул ее. Перед ним стоял молодой мужчина с бородкой.

– Здравствуйте, я Фай Метов. А Фабиолла дома?

– Вы ошиблись.

– Извините, – Фай пошел к лифту, доктор закрыл дверь.

Не успел отойти, как вновь раздался звонок. Доктор неохотно открыл. На площадке стояли мальчик с чубом, смешно торчащим на темно-русой макушке, и одетый в белый хитон мужчина с пышной рыжей бородой. В руках они держали по тому «Капитала» Карла Маркса.

– Чего надо? – неприязненно спросил Э, Бонцен.

– Скажите, доктор, а вы верите в социализм? – задушевым голосом спросил мужчина.

– Чего?!

– Пошутил я, – мужчина швырнул книгу в лестничный пролет. – Я твой пра-прадедушка. Будь хорошим мальчиком и зачни этого смышленного мальчика, – показал на мальчишку.

– Гребаный Хаос, – пробормотал доктор, – все никак не отпустит.

– Что ты бормочешь? Беги к соседке напротив и действуй! Действуй!

– У нее же есть парень, – покраснел доктор, который давненько, давая волю правой руке, представлял соседку.

– Кто? Джеф-барриста? Так он гей.

– Правда? – встрепенулся с надеждой.

– Конечно, сам посуди, – мужчина достал из-под хитона пачку «Беломора» и закурил, – разве мужчина станет барристой?

– Ну...

– Гну! Смотри, какой мальчишечка, прелесть просто. Сам бы зачал, если бы мог.

– Дед, оставь «пятку» добить, – попросил паренек и тоже выбросил «Капитал». – Библии интереснее разносить.

– Вырастешь, разноси что хочешь. Хоть Библии, хоть Ирак.

Паренек хмыкнул и, достав непонятно откуда маркер, начал рисовать на стене разные символы.

– Чего это он?

– Будущий Лейбниц, – улыбаясь, объяснил бородач.

Блеснул медный зуб.

– Дед, ты опять все перепутал, – мальчик, сосредоточенно высунув язык, схематически рисовал мужской половой орган с насадкой из гайки, – не я Лейбниц, а дом старухи Лейбниц. Там я встречу Аду и задам ей аду, – хрипло захохотал. – А помогут мне Ян, Саша и Рита, ха-ха-ха.

– Знаете, – заторопился Э, Бонцен, – я еще не готов... я подумаю... мне пора... – захлопнул дверь и неумело перекрестился.

– Не прокатило, – сказал мужчина в хитоне и протянул мальчику «пятку».

– Я тебе говорю, надо с Библиями ходить, – басом ответил мальчик, – так больше шансов. Библия нынче больше доверия внушает чем «Капитал», хотя, казалось бы, и там и там автор бородатый...

– Пошли выше, – решил бородач и они ушли наверх.

Э, Бонцен пошел в ванну, плеснул в лицо холодной водичкой из ведра. С тех пор как принудительно поставили счетчики на воду, он набирал ее по каплям – ставил на ночь ведро под кран. Чтобы успокоиться, решил немного поонанировать. Но стоило ему представить соседку в платье, насквозь промоченном морским ураганом, как в дверь опять позвонили. Чертыхаясь, пошел открывать. Нависая яично-желтым рожком, над ним возвышался огромный банан!

– Купон! На посещение нашего кафе! Все за счет заведения, дружище! – прокурено просипел банан.

– Оставьте меня в покое!!! – заорал бедный доктор и попытался захлопнуть дверь, но банан помешал.

– Извини, брат, я слышал, ты имеешь виды на Мэлиссу? – прошептал он. – Вот тебе сувенир, – протянул пачку презервативов. – Банановые.

– Подите к черту!!!

– Чего орешь?

– Чего ты с ним цацкаешься, Джеф? – произнес вдруг противно шамкающий голос. – Он же сторонник ГМО, сеет зубы драконов на наших благодатных наделах. Мочи козла, а то вдует Мэл.

– Ах ты падла!!! – закричал банан и начал полосовать доктора перчаткой со стальными когтями. – Фредди Крюгер теперь банановый! Вот тебе, мракобес!!! Только овощи на чистом навозе!!! Только честный чистый навоз!!!

Мужчину в хитоне и басовитого мальчика догнал мужичок в поношенном пиджаке.

– Граждане, это вы выбросили? – помахал «Капиталом».

– Дядя, тебе чего? – развязно спросил хитононосец, воинственно топорща бороду.

– Я мусорный детектив! – мужичок продемонстрировал удостоверение цвета детской неожиданности. – Это ваш мусор?

– Нет.

– А чей?

– Я откуда знаю? Вам вообще какое до этого дело?

– Согласно постановления муниципалитета за №216, весь мусор подлежит сортировке и раздельной утилизации и транспортировке на специальные мусорные полигоны, – начал детектив, – у меня есть подозрение... – мальчик прервал его, точно пнув ногой в пах. – Достали эти фискалы, – добавил ногой в лицо согнувшегося, – уже даже в говне копаются!

– И не говори. Чую, тут нам не выгорит. Пошли лучше в «Игдрассиль», покурим с Крипианом.

– Пошли, заодно у Чернокнижника книжек перехватим. Сейчас рэперы их хорошо берут.

– До чего мы дошли! От Пиндара к рэпу, о темпора, о морес.

– А чего ты ожидал от общества, жрущего ГМО-овощи и заваривающего чайные пакетики по три раза?

– Действительно... – они уехали в лифте.

Исполосованный Э, Бонцен пришел в себя в заплеванном баре, где кипела драка. Громила и заморыш с подносом мочили двоих жлобов-хирургов в байкерском прикиде цвета радуги.

– Господа, – разбрызгивая кровь, пролепетал доктор, – где я? Это Ад?

– Нет, – хлопнул в потолок револьвер в руке старика, – это Ковыляй-сарай, а ты, *след*, тут на правах «духа». Всосал?

– Позвольте, но...

Бывшего доктора ударом подноса вразумил заморыш.

– Сказано «дух», значит «дух»! Чеси сортир скоблить, пока тут новый след не появится, тогда тебя повысим.

– Так ему, Нолик, – рассмеялся старик, – врежь последышу! Тявкать он тут вздумал. Тут не Болотная, падла! Сказано сортир драить – драй и нахваливай дедушку.

Э, Бонцен уныло потащился в сортир. Когда вернулся, увидел Нолика, складывающего кривую птицу из бумажного полотенца.

– Ари-гами, – подняв на бывшего доктора глаза, важно пояснил он. – Меня Эмиру Сан научил.

– Дурь, – фыркнула летающая над стойкой девчонка. – Тебя как звать, «душара»?

– Ван Э, Бонцен.

– Будем звать тебя Бим-бом, – сказал верзила, который дрался. – Я Крестик, это Нолик, это Такса, а тот мощный старикан, похожий на высушенного Маяковского, избитого сержантом Добсоном, – Сморчок.

– А как я тут оказался?

– Сие тайна великая есть. . . . – понизил голос верзила, – но чувствует мое сердце, что при жизни ты поклонялся Онану.

Троица довольно заржала, а доктор почувствовал исходящее от Крестика тепло. Пол заходил ходуном, с потолка посыпалась крошка, лампочки лопались одна за другой.

– Что это?! – закричал Э, Бонцен.

– Вива ля революсьон, вашу мать, – ответил дед из-за стойки. – Добро пожаловать в Матрицу!

– Какую Матрицу???

– Я пошутил, это озены, народ населяющий побережье моря Теныз, произошедшие от Великой богини, покровительницы морских существ, Балык Копчен, приехали выразить почтение нашему мэру, Убайсу-II Сколковскому.

В бар вломилась ватага людей с жабрами и чешуей, на ходу вынимающих из раскрытых, словно книги, тел связки переливающихся, как мокрые гальки, внутренних органов.

– Сморчок, почем требуху возьмешь? – крикнул один из них.

– По таксе, как скажет Такса, – заржал Сморчок.

Пришельцы сложили органы в холщовый мешок, который достала Такса. Мешок тут же покрылся красными пятнами.

– Хиленькие какие-то, – процедила Такса, – по фунту возьмем.

Все посмотрели на Сморчка.

– Я услышал, хай, – он поднял руку подобно индейскому вождю на совете племени, – да будет так.

Э, Бонцен понял, что с него хватит и потерял сознание.

Ангел Солнца вышла из подъезда. На покосившейся лавочке сидела девочка-подросток и нагло ела котлеты. Можно сказать, пожирала. Причем так вызывающе, что одинокие прохожие спешили перейти на другую сторону улицы.

– Юля, откуда у тебя котлеты? – строго спросила женщина.

– Пока кто-то из себя Венеру Венерианскую изображает, дети сами о пропитании заботятся!

– Котлеты откуда, я спрашиваю?!

– В «Макдональдсе» выкинули, а я забрала.

– Ты же отравишься!!!

– Нормальные котлеты, не кипишуй, бабушка.

– Сучка ты малолетняя! Так и ждешь, чтобы я подохла!

– Вот еще! – обиженно отвернулась девочка. – Больно надо, потом полгода жди, пока мамаша в наследство вступит.

– Вот значит как? – Ангел Солнца отшвырнула шлем, пришибив щенка бигля, которого выгуливала какая-то полоумная фитоняшка.

– Э-э, женщина, вы чего? – пискнула фитоняшка.

– Пошла на х...! – повернувшись, в один голос ответили бабушка и внучка.

Подхватив тельце четвероногого друга, фитоняшка кинулась бежать.

– Расскажу я тебе сказочку, внучечка, – закуривая сигарету с ментолом, начала женщина. – *Жила-была девочка и звали ее... Как ее только не звали!*

– *Иди сюда!* – прокричала из кухни мама.

– *Чего?*

– Кашу надо бабушке отнести.

– Чево?

– Ты затычки из ушей вытащи! – мама зашла в комнату и выдернула наушники. – Тогда и переспрашивать не будешь. Кашу надо бабушке отнести.

– Какую еще кашу? – из прядей волос цвета спелой пшеницы посмотрела на маму невинными глазами цвета васильков.

– Пшенную.

– Нафиг ей каша? Она со своей пенсией может каждый день пищу заказывать, а ты ей кашу съешь.

Бабушка много лет работала на руководящей должности в Счетной палате, а перед выходом на пенсию перевелась в Пенсионный фонд, так что теперь не бедствовала.

– Ты же жрать не хочешь, вот и неси бабушке, – мама свекровь не любила, чего от дочери не скрывала. – Хотя ей березовой каши хорошо бы...

– Некогда мне, – отвернулась девочка.

– Селедочка (так мама ласково называла девочку), не спорь. Ты пойми, чтобы старая перечница под тебя дом подписала, надо постараться, попрыгать перед ней.

– Отпишет, никуда не денется.

– Всякое может случиться, старуха упрямая. Она еще крепкая, не перетрудилась, бумажки перекладывая. Лет десять протянет, как пить дать. Найдет себе молодого альфонса, да и подпишет на него.

– Мам, это же не ток-шоу, кто на нашу бабушку позарится?!

– На такой дом желающие найдутся.

Домик бабушки был двухэтажным коттеджем на краю элитного поселка среди чудесного соснового леса.

– Денег на марирутку дай, – неохотно встала с дивана девочка.

– А ножками? Пешком за полчаса дойти можно, и потом минут двадцать по лесу.

– Что я дура, пешком топать? Денег дай.

– На, горе мое, – мать протянула два стольника, – хлеба и молока купи на обратном пути.

– Ладно, – пройдя в прихожую, девочка стала напяливать кеды.

– И беретку надень.

– Какую?

– Красную, что тебе бабушка связала.

– Этот отстой?! в ней жарко.

– Ничего, потерпишь. В пакете спрячешь, а в лесу оденешь. Пять минут позора, а бабушке приятно. Может денежку даст...

– Ладно, уговорила, – девочка сняла с полочки беретку, засунула в пакет. – Еще что?

– Мусор вынеси.

Марирутка быстро домчала девочку до окраины города. Купила в ларьке пачку сигарет с метолом, бодро зашагала по асфальту к лесу. Добравшись до опушки, соскочила с дороги и, отойдя с видного места, присела на большой валун. Закурила, задумчиво глядя на дым.

– Не сиди на камне, – послышалось за спиной.

Девочка вздрогнула и обернулась. Прислонившись спиной к стволу, на задних лапах стоял потасканного вида волк, с венком из полевых цветов на голове.

– Почему?

– Придатки себе простудишь, цистит будет. Дай закурить.

– В лесу нельзя курить, пожар может быть.

– Оставь хоть добить, – попросил волк.

– Свои надо иметь, – оценив волка как неопасного, девочка хотела отвернуться, но в голове, сквозь розовый туман попсовых ритмов, вдруг молнией мелькнули слова матери: «Она еще крепкая». Решительно достала пачку, протянула волку. – Угощайся.

– А можно две?

– Бери.

Волк спрятал одну сигарету за ухо,

– Не стой над душой как сурикат, присаживайся, побазарить надо.

Волк уселся рядом на поваленный ствол. Девочка, поморщившись от запаха псины, чиркнула зажигалкой, прикуривая ему, прикурила себе, выгадывая время, чтобы обдумать разговор.

– Слышишь, серый, ты этот лес хорошо знаешь?

– Отлично знаю, могу все лесные тайны рассказать, могу по красивым местам поводить, грибы там, ягоды... Могу сказки про лес рассказывать, легенды всякие...

– Легенды мне даром не нужны. Знаешь поселок коттеджный? У меня там бабка с краю живет.

– Под красной крышей?

– Нет, на другом конце. Под желтой металлочерепицей.

– Знаю. Она баранину часто жарит на заднем дворе, а я кости таскаю.

– Баранину? – сплюнула девочка. – Кашку ей... Ей эта каша как кашалоту нужна.

Скажи, а тебе приходилось убивать? – спросила осторожно, будто невзначай.

– Нет, ты что? – испуганно замотал головой волк. – Я же хиппи, я против насилия.

«Придунок, бабку жрать не станет», – подумала девочка. – «Надо подходить с другой стороны»

– Скажи, а ты мог бы мне помочь разыграть бабушку?

– Мог бы. А как?

– Возьми шапку, – протянула берет. Посмотрела время на подаренном бабушкой айфоне. – Она скоро обедать сядет. Выскочи к ней с шапкой в пасти. Она подумает, что ты меня съел... «Может у старухи мотор не выдержит».

– Странный розыгрыш.

– Тут выскочу я и все вместе посмеемся.

– Ладно. А что я буду с этого иметь?

– Пива, полторашку. Устроит?

– Мало как-то...

– Хорошо, куплю два литра и пачку сигарет сверху. Большие у меня денег нет.

– Может это?... – смутился волк.

– Чего «это»?

– Интим...

– Ты совсем того? – удивилась девочка. – Я не девушка с низкой социальной ответственностью, на межвидовой секс не подписывалась. Пива достаточно. А то найду другого.

– Ладно, – взял шапочку. – Я пошел.

– А я за пивом пока метнусь.

Посмотрела вслед волку, набрала номер.

– Алло, Антон, привет. Мне нужна твоя помощь. Надо с одним козлом разобраться. Бери Илью и подъезжайте. Знаешь, где моя бабка живет? На Крышовке. Короче, я вас на дороге возле леса жду. Да, поляну накрою, – нажала отбой. – Придунок. Минут двадцать у меня есть, – быстро пошла обратно к городской окраине.

Через полчаса к ждущей на опушке девочке подкатила старая «ява».

– Ань, привет. С кем надо разобраться? – ломающимся баском спросил безусый акселерат. – Где этот козел?

– Там не совсем козел...

– Мы за тебя любому рога обломаем, – сидящий сзади тщедушный подросток потряс туристическим топориком. – Так что за дела?

– Шапку у меня украли...

– Шапку? Всего делов?

– Любимая шапка. И кошелек тоже. С баблом. А я хотела вас угостить...

– Такого нельзя спускать, – решил Антон. – Надо разобраться.

– Мотоцикл спрячьте, чтобы без палева. Пойдем по лесу.

Аня уверенно пошла к дому бабушки. «Мстители» шагали следом разболтанной походкой, напоминая парочку пританцовывающих павианов.

Илья налетел на корень.

– Нельзя заткнуться? – девочка поморщилась от сдавленного мата за спиной.

– По дороге никак нельзя? – пропыхтел Илья.

– Никак, – отрезала девочка. – Представь, что вы охотники. Они по дорогам не ходят. Домик бабушки встретил открытой дверью.

– Бабушка, ты дома? – входя, громко спросила девочка.

– Я не хотел! – сквозь слезы простонал волк, склонившийся над телом. – Она сама...

– Волк?! – удивился Антон.

– Мочи козла!!! – истошно заорала девочка. – Он бабку завалил!!!

– Она сама, – попятился волк. – Я просто выскочил, а она...

– И шапка твоя у него, – уличил Илья, спрятав топор за спиной и осторожно подбираясь к жертве, – крысятничает....

– Мочи его!!!

– Ильяха, вали козла! – Антон рубанул мотоциклетной цепью несчастного зверя.

Волк схватился лапами за морду и согнулся.

– На! – топор, смяв венчик, раскроил череп волка.

– Круто, – оценил Антон. – Это мы типа герои? Волка-людоеда завалили?

– Мои герои, – отвернувшись, девочка брезгливо поморщилась. – Надо бы обмыть это дело...

– А есть? – вскинулся Илья.

– Да, случайно вот захватила, – выставила на стол, где громоздилась коробка с пиццей, бутылку. – Сейчас стаканы принесу. Пиццу можете брать, свежая. Кашу ей, – пробурчала, идя на кухню, – не уперлась ей твоя каша, мамочка. Она «Четыре сыра» жрет, а не пшенку просроченную, что по акции купили, – глаза вспыхнули, будто прокурорская форма на солнце.

Вернулась со стаканами.

– А чего два? – не понял Илья.

– Мне нельзя, мне же еще ментов вызывать.

– Ладно, – разлил Антон, – нам большие будет. Ну, за нашу победу! – чокнувшись, выпили.

– Реально придурки, – девочка посмотрела на лежащих на полу посиневших бывших друзей. – Жили дураками и подошли по-дурацки. Хорошо, что успела «Боярышник» купить и он подействовал. Легенды он мне расскажет, коврик блохастый, – пнула волка. – Ты у меня сам легендой леса станешь. Надо бы бабку покоцать, – посмотрела на топорик, – типа жрал, но да ладно, и так прокатит. Итак, – подошла к большому зеркалу, репетируя. – Мама попросила меня отнести бабушке кашу. Я пришла и застала эту картину, – обвела рукой вокруг себя. Нет, я не знаю, что тут произошло. Да, согласна, что-то странное. Где каша? – подошла к столу. – Вот. Даже эти придурки есть не стали что-то я проголодалась, а пиццу

всю смололи, – открыла термос, зачерпнула ложкой, поморицилась, съела. – С голодухи даже ничего. – Уселась на стул и начала есть. – Итого, что мы имеем? Бабушку убил волк, волка балбесы. Мою связь с ними никто подтвердить не сможет. Через полгода вступаем в наследство. Домик наш, а про лес будут рассказывать историю, как девочка несла бабушке горшочек с кашей, а волк обогнал ее и съел бабушку. Оделся в красную шапочку и ждал дурочку. Охотники, хотя, – хмыкнула, – какие охотники летом? Охотники зарубили волка. Откуда у охотников топор? Лесорубы? Лесорубов тоже летом не бывает... Туристы? Что это? – захрипела, схватилась за горло, упала со стула и, катаясь по полу, умерла.

Откуда девочке было знать, что маме надоело ждать, пока бабушка мирно умрет. Она решила взять дело в свои руки, напихав яда в кашу и надеясь убить двух зайцев одним камнем: получить наследство и отправить надоевшую дочурку на нары, – женищина закончила рассказ и со значением посмотрела на внучку.

– Какая пошлость, еще и не смешная, – покачала головой Юля. – Канцеляризмы, опять же...

– Будешь такую пургу нести, ночью придет кот-критик. Всосала мораль?

– Всосала, – Юля медленно взяла у бабушки сигарету. – Надо с мамыши и отчима начинать...

– Я тебе этого не говорила...

3 серия – Королевский сон и КупАла

Взрыв. Из дыры в стене на аэробордах вылетело трое хайповых тинейджеров.

– Повернём на углу Ионных Воротников и встретимся в канализации, люк напротив межМиромаркета, – прокричал один из них, с модным «ирокезом» кислотных тонов.

– А потом к Криспиану за травкой, Офирий? – спросил второй, похожий на Максима Палкина, с низко болтающейся мотней дизайнерски рваных джинсов. Его звали Валлис Палкин-Заможайский.

– Ага!

Они кинулись врассыпную. За ними гналась орава президентов и топ-менеджеров госкорпораций, за которыми бежала толпа папарацци и один, заблудившийся, отошавший Фантоцци.

Через полчаса малолетние ублюдки стояли в маленьком заплеванном дворике, где почему-то пахло кислым вином, аскорбинкой и конским навозом.

– Много подняли? – спросил мужчина с синим бейджем «Криспиан».

– Алмазный лист, 16 коннекторов к мозгу, 8 заряженных фруктов и около 50 абонементов на продукты, – ответил Офирий.

– Надо поскорее всё сбыть, – сказал Валлис Палкин-Заможайский, с чувством почесав в мотне. – Крисп, у тебя есть чо?

– Через плечо, – недовольно посмотрел на пенопластовые «фрукты» мужчина, – это что за чушня?

– Фрукты нового поколения, в отличие от старых времён, представляют собой энергетические минералы. Они необходимы для создания новых технологий, – объяснил Офирий. – Поддержка отечественного производителя и импортозамещение в одном флаконе.

– В жопу, – махнул рукой Криспиан.

– В смысле? – не понял третий, безымянный.

– В прямом. В жопу их себе засуньте. И коннекторы добавьте, потому как мыслите вы не мозгами, а жопами! А так хоть коннект установите и выйдите на уровень компьютера «Поиск —2»¹

Подонки понурились.

– А может можно как-то решить? – спросил безымянный, внезапно оказавшийся девчонкой по имени Митрид. – Если без жопы?

– Тогда в рот, – подумав, решил Криспиан, закуривая «беломорину».

– Вы пока прогуляйтесь, – решила Митрид, – а я Криспа посторожу.

«Ирокез» и «мотня» вышли, столкнувшись с зеленым жестяным бачком с ломом.

– Гля, банкомат пошел, – показал Офирий. – Может стрясем мелочи на пиво?

– Ну его, это же Битва за ресурсы, пошли отсюда.

Они ушли искать катакомбы, и мы об этом нисколько не жалеем.

– А я могу и в жопу, – сказала Лора, как только Митрид стала на колени перед расстегнутой ширинкой Криспиана.

– Ты откуда тут?! – закричал Криспиан.

– А вот так вот, – Лора пожалала плечами, – такая я незаметная. Все время стояла.

– Не волнуйся, братан, – за спиной Лоры возник Михаил Иванович в распахнутом плаще на голое тело и надобном фонарике. – Два года без бабы! Проклятые пид... ры! – он обрушил

---

¹ «Поиск-2» – аналог IBM PC/XT, совместимый с PC/XT как на программном, так и на аппаратном уровне. Построен на отечественной элементной базе. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Поиск_\(компьютер\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Поиск_(компьютер))

топор на затылок Лоры. На бетонную стену брызнула кровь. – Надоели консервы! – подхватив под мышку истекающее кровью тело, солдат-киборг исчез.

– Ничего себе приход, – Криспиан почесал затылок. – Ты там не халявь, это тебе не пенопластовые фрукты шейхам впаривать. Тут надо трудиться как пчелка на сборе меда, как депутаты на заседании госдумы. Вот так, молодец, – положил ладони на голову девушки и заговорил о вечном. – Сам я из провинциального городка Велли. Погода там чаще дождливая, но жители любят его, потому что он питает своими теплыми мелкими капельками весь урожай, людей и просто повышает настроение.

– Кого? – освободив рот, заинтересовалась Митрид.

– Его, – указал рукой Криспиан, – не отвлекайся. В шестнадцать лет я был особым подростком. Мне не нравилось совершенно ничего. Еще у меня была младшая сестра Мила, я поменял ее на часы, – закурил еще папиросу, – а потом оказалось, что они поломаны. Все время показывают 20:59. Я всегда одет неприглядно хорошо. А ты ничего так, старательная. Понравилось?

– Да, могу повторить, – Митрид вытерла губы.

– Заглотнула?

– Конечно, заглотнула и уже переварила, как черная воронка Ардалиона Ардалионовича.

– Ненасытная, – уважительно сказал мужчина, – прямо утроба. Курни, – выделил из портсигара.

– Ух ты, – выпустила дым, – круто! – вытащила из кармана маленький фонарик, включила, уткнула слабый лучик в стену. – Ко мне!

– Что ты делаешь?

– Это говорю тебе я: ко мне! – пропела она. – Это гравилуч, он притягивает стену!

– Хм... видать я много курю, что даже сперма у меня стала забористой.

– Ты ведь знаешь историю про пиковую даму?

– Нет, а что там?

– Да я сама не в курсе, думала, ты расскажешь... Когда она находит мальчика, её живот открывается и она сжирает тебя рёбрами. Кусочек за кусочком. Ой, а у меня платье-майка сползла чуть вверх.

– Деточка, сползают вниз, вверх задираются.

– Как ноги?

– Можно и как ноги, – Криспиан задрал её майку и сдернул лифчик, обнажив небольшую упругую грудь. Опустил руку в её джинсы.

Длинные ноги ловко нырнули в тапочки и засемили вокруг мужчины вместе с хозяйкой. Шаги владелицы ног раздавались не долго. Выхватив шокер, девушка с силой вдавила его в шею мужчине. Потеряв сознание, он рухнул.

– Обсос, – ловко обшмонала карманы, вытащив лопатник и портсигар, сняла с руки «Ролекс», с шеи бейджик. – Падла! – пнула лежащего и пошла со двора.

Шагнула в холл, темный после светлого дворика. Еще шаг и острая боль в спине, потом в груди. С удивлением опустила глаза. Меж небольших упругих грудей покачивался острый конец лома. Оглянулась. Сзади стоял жестяной бачок и радостно подставлял кружку под побужавшую с острия лома кровь.

– Первый пошел, – продребезжал 2075. – В конце останется только один...

– Необычная антреприза, – сказал высокий мужчина в юбке из черного волоса. – Жестянка, кто за тобой убирать будет?

– Роза придет и уберет, – глядя на упавшее тело, сказал бачок.

– У нас закон такой, насрал – уברי за собой.

– Я не сру, – с достоинством ответил 2075 и, вытащив из трупа лом, покатыл в офис. – Кто желает Кровавую Митрид? – попискивал он, размахивая кружкой на цепи.

Выключатель света щелкнул. Холл погрузился во мрак, серые тени предметов от огоньков телевизора и холодильника начали плавать по нему.

– Ого, телевизор с холодильником поставили, – обрадовался вошедший Фай. – Как у них тут все течет, все меняется... Пойти что ли Криспиана во дворе поискать? Что это? – споткнулся. – Труп?! А-а-а!

В голове раздался голос, вроде мужской: «Не бойся, я хочу с тобой поговорить». Фай покрутил головой, разминая затекшую шею, смежил веки пальцами и собрался умыться, но понял, что умывальника тут нет.

– Надо искать уборную или ванную, – вслух решил он.

«Да, это я хочу сказать тебе», – раздалось в голове.

– Иди к черту, – Фай пнул дверь и решительно вышел под солнечный свет.

– Кто здесь? – слабо простонал привалившийся к стене Криспиан.

– Это я, Фай. Что случилось?

– Произошел инцидент на планетной базе «Зета-7».

– Чего???

– Одна паршивая клофелинщица оставила меня без наличности, «котлов» и травки.

– Это не она на полу в холле остывает?

– Скорее всего.

– Она, – раздался голос из угла. Ричард Красивый стоял распявшись, как на кресте, в лучах Солнца. – Чего уставились?

– А что он делает? – тихо спросил Фай.

– Солнечные ванны принимаю, не видишь что ли? – услышал экс-стриптизер. – Скажи спасибо, что не солнечную уборную.

– Спасибо.

Вошли трое в тёмно-синей форме с шевронами охраны. У всех троих на общем поясе висела одна на всех рация и один энергетический пистолет в кобуре.

– Вот тогда я и получил ранение, – рассказывал один из охранников, жилистый мужчина лет сорока, с фамилией Бронски на нагрудной нашивке. – Сначала меня отправили в госпиталь, а потом комиссовали. Сказали: всё, отвоевался. Положили мне пенсию в восемь триста шестьдесят на период за сержанта, и катись на все четыре стороны...

– Это уж так, – подтвердил второй, стриженный «ёжиком» охранник лет пятидесяти, по фамилии Лебовски. Его подтянутая фигура говорила о том, что он очень давно занимается спортом, а некоторые повадки выдавали в нём бывшего проктолога.

– А ты где служил?

– Сорок вторая Отдельная спецбригада анального принуждения.

– Ого, спецназ! – уважительно заметил Бронски.

– На кой хрен оружейный шкаф переставили к проходу на поверхность, когда он должен по инструкции стоять у заднего прохода?

– Не знаю, – кратко ответил третий, коротко подстриженный парень лет двадцати. – А чей там труп валяется, мужчинки?

– Что-то они не похожи на шахтёров, – с сомнением сказал Лебовски.

Фай испуганно посмотрел на Криспиана.

– Труп не мой, а содержимое карманов мое, – хладнокровно ответил Криспиан.

– Ишь ты, – удивился Лебовски, – нарывается паренек. Я майор спецназа!!! – заорал он.

– Не ори, не в конюшне, солдафон, – презрительно сказал Ричард.

– А ты падла! – майор выхватил пистолет и выстрелил в обнаженный живот последователя Тарзана.

– Ты меня убил? – удивился Красивый, падая на бетон.

– Пид... ры!!! – за спинами охраны возникли трое Михайлов Ивановичей с топорами, гранатами на гениталиях и налобными фонариками, причем у среднего налобный фонарик был на лобке. – Я вас узнал!!! – три топора в едином порыве негодования и гомофобии опустились на три затылка. – Прилетели высосать наши мозги!!!

Три тела в форме рухнули на бетон. Киборги, сорвав по правой гранате, сноровисто вставляли их в анусы убитых. Три взрыва слилось в один.

– Мясо! Кишки! – завопили Ивановичи.

– Штатского я тоже возьму, – рядом с трупом стриптизера возник четвертый Иванович, – нечего ему тут валяться. Вам спасибо, хорошо на вас сегодня клюет, – киборги исчезли с трупами.

– Что это было? – слабым голосом спросил Фай.

– Произошел инцидент на планетной базе «Зета-7», о чем я говорил еще десять минут назад.

Фай промолчал, опасаясь новых инцидентов.

– Немного отбил, – Крисп показал энергетический пистолет, отлетевший с массового пояса при взрыве. – В хозяйстве пригодится. Пошли, надо поминки по Ричарду мутить, кисель хлебать.

– Во мне вызывают содрогание куски плоти, которые стелются под ногами. Мое сознание слишком помутнело и воссоздало параллельный мир, который существует вопреки всем законам физики. Его главная задача заключается в том, чтобы воплощать в реальность мои абсурдные фантазии. Снова парадокс: реальность в нереальном.

– Эк тебя зацепило, болезный. Пыхни, полегчает.

– Я будто бы испугался собственного себя, понимаешь?

– Тебе только Гамлета играть: «Быть или не быть, вот чем вопрос?»

– В чем?

– В том, кто первый доберется до трупа шлюшки и заберет мои вещи. Пошли, говорю.

– А кровь, кишки, мясо?

– Роза все приберет. Натаскает ведрами холодной воды из родника и все вымоет.

Они вышли в холл и слегка помародерствовали.

– Что это? – Фай подошел к стеклянным дверям.

Черная воронка засасывала все больше и больше людей, рассыпаясь тонкой струйкой очереди. Над головами, будто в насмешку, светилась вывеска: «Добро пожаловать в ЦСР».

– Это 2061/1602, шоу и рэп-батл. Посиди, посмотри, – кивнул на истончившееся до нервов кресло. – По-первости это прикольно, особенно когда «звезд» эстрады моют самым мощным обезжиривающим средством.

Фай смотрел на площадь: пассажиры с задумчивыми лицами переглядывались друг с другом, пассажиры с веселыми лицами что-то делали на уровне пояса. Было непонятно, почему нет иностранцев с высоким уровнем жизни. Зато было много людей пожилого и очень пожилого возраста. Причем все эти бабушки и дедушки довольно быстро перемешались по залу, как на своих двоих ногах, так и на взятых на прокат.

– Это что вообще такое? – не выдержал Фай, обернувшись.

Крисп как ни в чем не бывало мочился на труп Мидрид.

– А, это? – он застегнул ширинку. – Постановка про киборгов, которых заставляют работать на стройке, а они хотят быть художниками. Погоди, сейчас всем раздадут бесплатную вареную кукурузу от Ашота и народ рассосется.

– И мне дадут кукурузы? – поевшись, Метов вспомнил, как в пять лет пьяный отец пытался засунуть ему початок в задницу.

– Ежели выйдешь туда, то дадут.

– Я лучше тут посижу.

– Нечего расслаиваться, пошли работать! У нас еще только первая группа завершилась! Подъем! Художником любой быть желает, а вот горбатиться желающих нет! Эх, щас бы щей горяченьких, да в койку, – Крисп прогнулся в пояснице назад, – но некогда, дело не ждет!

– Так что мы тут все-таки делаем? – Фай встал с кресла и странной походкой, будто в заднице у него был кукурузный початок, покляпал за коллегой.

– Узнаешь, не спеши, у нас еще впереди долгая и упорная работа по рафинации бреда.

– Слушай, а там же где-то аэроскейт этой паршивки валяется, – хлопнул себя по лбу Криспиан. – Не в службу, а в дружбу, сходи, забери. Нужная же вещица, припутим.

Фай, которому не хотелось лишний раз ходить мимо трупа, замялся, но так как ощущение початка прошло, то решил пройтись. Во дворе его ожидал сюрприз. Кровь и мясо, как и труп с ломом из холла, исчезли, а среди блестящих на солнце луж холодной воды стояла девушка в грязной мужской рубашке, судя по всему, на голое тело.

– Ты кто? – воскликнул мужчина. – Неужели принцесса Роза???

– Я Ариетта.

– Охренеть просто, – негромко сказал Фай в сторону, а громче спросил другое:

– Что же ты тут делаешь?

– Я наблюдала за завершением боя. За тем, как мощная волна света растворила демона, так и не завершившего атакующее заклинание.

– Понятно, – плюнул в лужу, – значит, из тутошнего зверинца.

– А потом, – девушка, не слушая, самозабвенно как тетерев на току токовала, – его противница перевела дыхание, огляделась по сторонам и, не увидев ничего, достойного внимания, исчезла ослепительно белой вспышкой.

– Слышь, Ари, ты тут аэро, тьфу, не выговоришь, летающей штуки не видела?

– А светлая сторона не обладает способностью видеть всё это!

– Подруга, – Фай громко хлопнул в ладоши, – ку-ку.

Девушка вздрогнула, край рубахи волнительно вздрогнул вместе с ней.

– Спрашиваю, доски летающей тут не было? – Фай за три дня работы на новом месте внутренне изменился, и уже не клевал на уголок белых трусиков, мелькнувший под рубашкой. Первым делом, первым делом, самолеты, точнее летающий скейт, а насчет девушки оно как-нибудь потом решится...

– Сперва нужно закрыть трещины и уничтожить остаточную магию.

– Понятно, – Фай плюнул еще раз, стараясь попасть в круглую коленку. Попал, – я позже зайду.

– Как же я ненавижу обращенных! – несло ему в спину. – Так и тянет подставить клинок к горлу и надавить, медленно, по капле впуская в них истинное знание!

– Не много ли ты пьешь в последнее время? – задумчиво спросил себя Фай и хотел захлопнуть дверь, но на пороге что-то дернуло его оглянуться.

Вовремя. Ариетта выпустила волну света, а сверху ей в голову врезалась тяжелая доска-пятидесятка.

– Доска летающая, да не та, – Фай вытер с лица брызги крови и закрыл дверь.

В холле его поджидал еще один сюрприз: Лиза села на кол к вампиру, по которому ползали фиолетовые глазки.

– Чего уставился? – грубо спросила девушка. – Глазки мои, не видишь что ли?

– Простите, я подумал, что это картошка... – на всякий случай, Фай нащупал в кармане шприц.

– Дебил! – вампир, будто суетливый старьевщик, убрал вещь за вещь в прозрачный рюкзачок.

– Не обращай на него внимания.

– Достали просто эти теплокровные расисты! – уверенно надел счастливую чёрную кепку с белой надписью и накинул сделанную из кенгуру тёмно-красную куртку с рюкзаком на животе. – Глянь, как он на меня зыркает! Так бы и вбил в меня кол! Так бы залил раскаленного серебра мне в глотку!

– Да ну вас, кровососы-лузеры, – Фай плюнул и пошел в офис.

– Ты что плюешься, козлина теплокровная? – неслось вслед. – Мы тебя еще высосем, шовинист!!!

– Очнулся, гипс, – донеслось из офиса.

– Что за гипс? – не понял Фай. – Почему он очнулся?

– Осень была, – продолжал рассказ Чернокнижник, – Это был вторник, как сейчас помню: дождь, грязь, крики прохожих, грузовик с мукой грубого помола, вот гипс и очнулся.

– Н-да, – протянул Криспиан, – бывает же такое?

– И главное, прикинь, музыка, – Чернокнижник изобразил руками, будто дирижирует оркестром. – А дальше свет упал на ее лицо, Бог ты мой, ну и «красавица»!!! Женщина лет сорока, сидела под деревом возле тротуара, одета не пойми во что, двух передних зубов нет, под глазом вырисовывался синяк, видимо упавшего отсвета, волосы в беспорядке, а изо рта шел убийственный запах перегара.

– Ты еще и понюхать ее успел? – заинтересовалась катающаяся на напольном вентиляторе Фабиолла. Она была в белом шелковом халате, под которым ничего не было. Пояс, окутывавший халат, был развязан – створки расходились в стороны, волнительно трепеща под потоками прохладного воздуха.

– Не успел, пришлось от гипса убежать.

– А-а-а, – она потеряла интерес к дальнейшему разговору и стала плевать в висящий на стене календарь с председателем Счетной палаты в купальнике из аудиторской отчетности.

– А дальше что было? – спросил Фай.

– Дальше я поехал в Гальяново, но это уже другая история.

– У меня тоже есть история, – начал Криспиан, – внимайте! В местах больших лужах отражалась оранжевая луна...

В комнату заглянул парень в деревянных сабо.

– Пацаны, Ричарда не встречали?

– Нет, – Крисп со значением посмотрел на Фая, – не было его сегодня. А что?

– Сергей меня звать, может, слышали? Не подскажешь где тут ломбард? – стал поигрывать стопкой «серебряных» талеров.

– Тебе не в ломбард, а в скупку цветного лома надо, – сказал Мартин.

– Ремонт делал на крыше и нашел. Вот... посмотри! – не унимался тот. – Я вообще лозоходец в третьем поколении...

– Ищи себе других лохов, лохоходец, – отрезал Чернокнижник.

– Не верите? Сейчас покажу свою лозу из китового уса...

– Я тебе сейчас покажу лозу из хрена моржового! Вали отсюда! – Мартин ловко швырнул в Сергея томик Лютера Кинга.

Тот, схлопотав в лоб, цокнул сабо, как Боливар копытами и упал в коридор, талеры брызнули в офис. Дверь закрылась.

– Умеешь ты с клиентами работать, – ядовито сказала Фабиолла.

– Да, я такой, вернул его в бессознание, которое он ненадолго потерял, – Мартин бережно собрал «талеры». – Монисто бабке сделаю. На Ивана Купалу подарю, порадуя старую греховодницу.

Вытащил из кучи мелочи блестящую золотом карточку размером чуть больше визитки с надписью «Корган Купалыч».

– Что это? – спросил Фай.

– Это и есть тот самый БТТ! Билет в Театр Теней!

Зазвонил дореволюционного вида телефонный аппарат. Фай поднял трубку. Послышался женский крик. Звуки по трапу сходили с трубки и скапливались горкой на полу.

– Тебе не звонил брат? – кричала женщина. – Сейчас по телевизору передали, что его вызвали в сборную.

– В сборную? Какую еще сборную? – удивился Фай.

– Да уж, – скривила трубка недовольную рожицу. – Ты еще не проснулся, малыш. В сборную по футболу.

– Сборную России?

– Нет, блин с икрой, Канады!!! При таких атлетических габаритах, ему там самое место.

– Извините, у меня нет брата, – Фай положил трубку на место, ногой растер кучку звуков и попятился назад. Сделал пару шагов по чавкающему зеленоватому мху и остановился.

Перед ним возник размахивающий прижимными присосками космонавт.

– Где край вашей планеты? – глухо прокричал он из гермошлема с флуоресцентной надписью «Старядер».

– Эт чо за апогей? – удивился Криспиан.

– Видать, коммивояжер, – Фабиолла лениво слезла с вентилятора, запахла створки, потом халат, почесала жабры, сорвала горстку мха, с аппетитом счавкала ее. – Напольные покрытия из искусственного мха продает.

– Креативненько, – Крисп с сомнением посмотрел на «космонавта» и на всякий случай достал энергетический пистолет – память об убиенном Лебовски.

Космонавт словно выплюнул сам себя из шлема.

– Это вы на Серегу Тапочка наехали? – спросил он.

– Ты чо за кондом бронированный? – Крисп почесал себя за левым ухом стволом пистолета. – Предъявлять нам пришел?

– Я Семен Если Чвак-гланг. Слыхали?

Коллеги Фая переглянулись.

– Мартин, мочи козла, – вынесла вердикт Фабиолла.

Чернокнижник метнул очередной том непознаваемой мудрости М. Л. Кинга, но Чвак-гланг оказался не так прост. Он, уклоняясь, перекатился в сторону, рывком рванув фаермёт из кобуры, но тот зацепился за какой-то шнурок и глупо упал в зеленый мох. Семен выбросил левую руку в сторону Мартина, другой рукой вдавил сразу две кнопки на запястье выставленной на продажу руки. Чернокнижник отбил летящую конечность книжкой.

Семен посмотрел на неудачно выроненный фаермёт, прикидывая, как можно быстрее до него добраться. А затем, оба не сговариваясь, прыгнули: Семен к двери, фаермёт в сторону Фая. Тот отбил нелепую, с точки зрения физики, вещь ударом ноги. Ветер принес голос женщины:

– Сеня, да-а-а-мой!

Семен снял с головы коробку, которая совсем недавно была шлемом, подхватил хитро обмотанную изолентой палку, изображающую фаермёт, и был таков.

– Что это было? – спросил Фай.

– Без понятия, – пожала плечами Фабиолла и, вытащив из шкафа уют, начала гладить свою футболку. – Значит, какое-то пси – излучение.

– Как-то в детстве, выкапывая с Отцом и Мамашей картошку на нашем маленьком огороде около дома, я тащил одновременно два мешка по земле, так же было тяжело, – сказал Мартин и подобрал труд М. Л. Кинга, шлем от скафандра и непонятную физическую штуковину. – Подарю всю эту требуху деду на Новый год.

– Жалость портит людей и собак, – сказал Крисп и зевнул. – Ну и скукота.

– Клиповое мышление, – тоном знатока сказала Фабиолла, – воспитанное комиксами, постами в ЖЖ и Голливудом. Везде оно разъедает стеклянный ареал, вбитый кусками в землю ограничений. Оно может лежать, отказываясь от малейших движений, и смотреть в проплывающую мимо пустоту с нескрываемым вождением.

– Для чего оно существует? – спросил Фай, надеясь, что ему наконец-то хоть что-то объяснят.

– Я уже сказала, оно пожирает пустоту.

– Бред, по-другому не скажешь.

4 серия – Пиццо власти и сплошное несчастье

В дверь вошла сутулая и угловатая, с копной непослушных рыжих волос, норových врываться на свободу из туго заплетенной косы, в одежде с чужого плеча и стоптанных туфлях, девочка.

– Здравствуйте, я Наденька, – она сделала неуклюжий книксен и поправила бордовый ранец с двумя лиловыми ромашками на боку.

– У нас сегодня просто день открытых дверей какой-то, – Криспиан плюхнулся в кожаное кресло. – Даже «Вокруг смеха» на ю-тубе посмотреть некогда. Чего тебе надобно, чадушко? Филиппка ищешь? Так он в школу побежал, петушок пропел давно.

Темные тени под густыми ресницами девочки заволновались и усталились на него.

– Как ушел? Куда?

– В ш-ко-лу, – по слогам повторил мужчина.

– Химия – наука размытая, а не точная, – выдала девочка.

– Безусловно, – согласился Мартин.

– Я амулеты продаю, – Надя достала из джинсовых шорт прямоугольную коробку-пенал, – недорого, стопроцентная предоплата, самовынос. Интересует? – Надя улыбнулась и с забытым ощущением чуда приоткрыла крышку деревянного пенала, позволяя заглянуть внутрь. В коробке лежали четыре кружочка с квадратной дырочкой в центре. Китайские монетки с неопределенным рисунком, рядом – голубая шелковая лента. Надя хмыкнула и закрыла крышку.

– Не мой цвет, – Криспиан снова зевнул. – Иди и впаривай свои поделки Филиппам.

– А что ты ждал? Маленького ручного дракона? – девочка размахнулась, чтобы бросить коробку.

– Мусорить не надо, да? – Фабиолла щелкнула шнуром утюг, будто кнутом. – Живо собрала поделки в стиле фэн-шуй и быренько пошла в школу.

– Черт с вами! – Наденька скрылась за дверью, крикнув напоследок: – Володя Ульянов жив!

– Кстати, ты за кого голосовал? – спросил Фая Мартин.

– Я на выборы не хожу.

– Напрасно. Как можно выбрать что-то, не выбрав кого-то?

Неожиданно погода резко испортилась: небо налилось свинцовой тяжестью. Завибрировал мобильный на столе.

– Алло, – сказал Фай в трубку пневматической почты.

– Узнал? – замогильно проскрежетало из трубки.

– Нет, а вам кого?

– Известно кого... того, кто продал фамильные драгоценности...

– Нет его, – Фай заткнул трубку осиновой затычкой. – Ошиблись, – объяснил коллегами.

Раздался стук, массивная деревянная дверь распахнулась с неожиданной легкостью, вошел мужчина. Трудно было с точностью определить, сколько ему лет. На вид около шестидесяти, но сложения крепкого и здоровья, видимо, неплохого. В руке болтался тяжелый с виду подсвечник, накрытый стеклянным колпаком.

– Прошу прощения за внезапный визит, – сказал он, – но у меня в дороге начал заканчиваться бензин, а единственная заправка на дороге оказалась закрытой.

– Не, ну что ты будешь делать, – Криспиан распахнул руки, будто собираясь обнять вошедшего, но внезапно громко хлопнул в ладоши. – Откуда они сегодня лезут таким потоком?

– Клиповое мышление... – Фабиолла зевнула.

– Нечистью интересуется? – пришелец понизил голос.

- Нет, – Мартин снова нащупал черный томик. – Еще что есть?
- Овощи, домашний сыр, яйца, масло... лия и Иваси...
- Спасибо, у нас полно кошерной пищи, – покачал головой Криспиан. – Будете выходить, закройте дверь поплотнее, а то сквозняк как между мирами.
- Хозяин меня сожрет, – мужчина надрывно вздохнул и покинул офис.
- А у меня тоже история есть, – задумчиво сказала Фабби.
- Расскажи, – попросил Метов.
- Переехал к нам жить актер театра. Натура творческая, ранимая, сами понимаете. Водку только холодную и только с семгой. Очень обижается, что в подъезде его никто не узнает. Ходит по квартирам, раздает программки театральные и диски со своими записями. Он, оказывается, мало того что актер, так еще и певец.
- Кто-бы подумал, – хмыкнул Мартин.
- Дублер его попал под патронаж продюсера Вискаса и поехал по необъятным городам и весям России. Это у «творческой интеллигенции» называется «чёсом».
- Чесом? – не понял Фай, у которого кроме фамилии ничего общего с артистами не было.
- Чесом, – кивнула девушка. – Но не надо думать, что под кожу им внедрил ся чесоточный клещ. Вовсе нет. Красивое русское слово «чёс», помимо того, что позволяет использовать незаслуженно обделенную вниманием, но не Васи Васина, букву «ё», обозначает неумный зуд по извлечению денег из карманов фанатов и уездных бюджетов. У некоторых зуд переходит в скрежет зубовой и даже экзему и геморрой. Говорят, бывали и случаи финансовой проказы...во всяком случае, с налогами проказничать они те еще мастера! Соседа в «чёс-воаж» не пригласили. То ли песни бездарные, то ли и среди артистов мюзиклов встречаются натуралы, не пригласили и все. Приходится ему как-то выкручиваться, помня что «весь мир театр, а люди в нем актеры». Так и бродит по подъезду в костюме банана, крича всем: «Хосе Гендосио погиб! Хосе Гендосио погиб!». На незнакомых людей производит сильное впечатление. Даже «Свидетели Иеговы» обходят подъезд стороной.
- Сумасшедший, но безобидный, – заключил Криспиан.

Приоткрыв дверь соседнего офиса Просто Мария, одетая в помятое свадебное платье не первой свежести, увидела, как мачеха Анфиса тянет дочь Евгению в женский туалет. «Опять что-то затевают» – подумала царевна. Она не заметила, что за женой следит и ее отец – царь Александр. Как только заговорщицы скрылись за дверью с надписью «Гоголь жив!», он подошел к ней и, приоткрыв, стал слушать. Анфиса, держа что-то на ладони, шептала: «Доченька, мне удалось забрать из ларца с драгоценностями это волшебное кольцо. Я подслушала разговор Александра с Феей Изольдой. Оказывается, Фея отдала свою силу этому украшению. Тот, кто будет носить его, обязательно выйдет замуж за царевича. Кольцо Александр приготовил для своей дочери,... а я пробралась в покои Марии,... и подменила его нашим, которое твой папенька носил в носу. Вот оно! Теперь счастье тебе обеспечено».

– Что это? – Фай, собравшийся выйти из офиса, чтобы встретить разносчика пиццы, застыл на пороге.

– Где? – Фабиолла припала к щели, приятно придавив Фая грудной тяжестью. – А-а, это. Ахинея по мотивам русских народных сказок и бразильского сериала, не обращай внимания. Дальше начнут вырывать из-под ног друг друга ковровую дорожку и жонглировать кольцами, – она отошла и плюхнулась в свое кресло, оставив вмятины в теле и память Метова.

«Садись, я расскажу тебе о викингх...» – послышалось ему. Страхнув вызванное грудами наваждение, мужчина решительно зашагал навстречу пицценосцу. Подрабатывающий на ресепшене слушатель академии крупье Гена плохо спал на ободранном до нервов кресле в холле. Ветер бил молотком в стекло, рвал листья с кленов и тополей во дворе.

На белой кепке укутанного в старое одеяло из овчины длинноволосого повелителя пиццы было написано «Драконы Арнхейма». Фай также увидел лямки, показывающие, что за спиной у человека довольно объемный рюкзак. Борода у него росла плохо, была редкой, с длинными волнистыми волосками цвета звёзд, неопрятной и козлиной.

– Сколько с меня? – Фай посмотрел на четыре коробки и пакет с пивными банками.

– Бро, теперь каждый готов отдать последнее своим соседям, поделиться элем и жареной рыбой, что еще час назад плескалась в солёных морских водах.

– Мы не заказывали пиццу с морепродуктами.

– Да? – «Дракон Арнхейма» проверил бумажку на планшете. – Слушай, бро, тут ошибка вышла. Возьми пиццу с рыбой, я сделаю скидку.

– Мы заказывали две пиццы с ветчиной, одну с салями и одну «4 сыра», зачем нам пицца с рыбой?

– Слышь, бро, я Кристиан, сын Одда, кореш Эмиля, сына Ларса. Не слыхал?

– Нет.

– Чо, реально не слыхал? – набычился парень. – «Драконы Арнхейма» самая крутая банда! Мы по 60 лет можем одними костями питаться!

– Достали, психи, – перехватив пиццы и пиво, Фай ударил недоумка лбом в переносицу. Обеспищенный рухнул на пыльные ступени крыльца и принял фривольную позу.

– Люди, которые шли по степи, изредка отходили от каравана, если они шли, – просто-на-нал он.

– Отдыхай, курошуп, – Фай врезал контрольный левой ногой в голову и вернулся в офис.

– Бабок хватило? – лениво поинтересовался Крисп.

– Ровно все, – кивнул Фай, сгружая коробки с пиццами на верх МФУ-шки, – еще и сдача была.

– Пиццы дело такое, – сказал Мартин, схватив верхнюю коробку и выбрасывая ее в открытое окно, – идти за ними из любого города было далеко, а караваны приходят не так уж часто.

– Ты чего?

– Это были человекоподобные машины, умеющие ходить на двух ногах, имеющие искусственный интеллект.

– Куда имеющие? – не понял Фай.

– Известно куда, – сладко потянулся Криспиан. – Поэтому он пользовался лошадьми – животные сильные, выносливые, породистые. В случае внезапной атаки в тыл всегда могут лягаться.

Вторая коробка полетела за окно.

– В итоге ИИ пришел к единственной верной, можно сказать, паломнической мысли человечества в минуты отчаяния – жизнь – мероприятие отстойное, – закончил Криспиан.

– Так у вас есть ИИ тут? – ошалел Фай.

– Да, и его зовут Татьяна Петушкова. Пописывает нелепые рассказы и с сотен аккаунтов размещает на сетевых конкурсах.

– Татьяна Петушкова – ИИ??? Та самая Петушкова???

– Нет, ну как адекватная девушка может встречаться с недо-мальчиком-недо-парнем-недоиграло-позёром?

– Шутите? – обиделся Фай.

– Просто пытаемся пробудить в тебе мыслительную активность, – улыбнулась Фабиолла.

– Некоторые еще клизЪмы делают с огуречным соском для активизации мыслительных процессов, но мы же с Вами не из них? – сказал Мартин, открыв коробку. – Во, у меня пицца-глазунья. Будет кто?

– Мне дай кусман, – протянула руку Фабиолла.

– Лови, Фабби, – Чернокнижник ловко швырнул девушке кусок. – Знаешь, я стал пользоваться парфюмом только для того, чтобы однажды ты сказала: «От тебя приятно пахнет». А еще у меня нет соседки, которая через меня заказывала у тебя косметику по каталогу. Просто у тебя никто не покупал, ты переживала, и я храню целый склад баночек, тюбиков и флаконов у себя в комнате.

– Ё-ы-ы! – с чувством проныла девушка.

– Может ты просто из этих? – за спиной Чернокнижника замерцал силуэт Михаила Ивановича с топором в руке и налобным фонариком на причинном месте. – А? Про соски огуречные вспомнил...

– Изыди, прилипашка, – Фабби выплюнула глаз точно в глаз киборгу, – натурал он, я проверяла.

– Покедова, некомбатанты, – железный яйценос пропал.

– Вот же пристал, – пожаловался Крисп, – прямо так и шныряет вокруг.

– Надо Хозяину маяка сказать, – решил Мартин, – пуцай прикует его к маяку.

– Цэ діло, – согласилась Фабиолла, пожирая пиццу со смачным удовлетворением.

Кошка серо-полосатого цвета в количестве одной единицы проскользнула в открытое окно и прыгнула на плечо Фабиоллы.

– Привет, Лейла Воробьиди, – поприветствовала кошку девушка.

Кошка задрала хвост, распушила его, от чего на задней стороне хвоста получился четкий пробор, замурчала, стала тереться, прыгая по плечам и шее.

– Я сидела на поваленном у автобусной остановки дереве и познакомилась с этой блошивой скотиной, – Фабби насмешливо отвесила ей холодную оплеуху и сбросила ее на мокрый пол. – А может быть, это не я сделала вовсе?

Кошка с греческой фамилией Воробьиди и огромными глазами ярче самого озера, как чумная, носилась под ногами и в ультимативной форме требовала еды, и не просто еды, но колбасы и сыра. Дождалась только хрена. Вода на полу вновь отвесила ей хладную пощечину, но уже по своей инициативе.

– Жуй, иммигрантка, – Крисп достал из ящика стола сморщенный сушеный корешок хрена и кинул кошке. – Тут глютена нет. Тебе должно хватить этого беспрецедентно вместибельного корневища.

Кошка вдруг зашипела, выгнула спину и убежала в сторону Ползучего города.

– Вот же скотина, – расстроился Мартин, наполняя свою кружку пивом ровно на 85%.

– А почему ты наливаешь не полную? – спросил Фай.

– Этого достаточно, чтобы я напился и позволяет мне не пролить мимо утробы ни капли. Так меня научила молодая мама одного мальчика, из которого телевизор сделал робота. Надо сказать, уставной хвостик шел ей больше, чем прочим девчонкам на курсах идеальных мам.

Гена натянул трико и, споткнувшись об заложенную красными и зелеными кредитами книгу аренды недвижимости для проживания в лунной колонии, поплелся в туалет. Но взявшись за ручку двери, вдруг осекся и даже запнулся – взгляд прилип к надписи.

– Что делать? – запаниковал Гена. – Мне же полный фулл-хаус в зеро вставят за этот вандализм, – он растерянно оглянулся по сторонам.

Не дождавшись ответа, Гена так и стоял, держа дверь, топтался на месте, боясь присесть, как будто у него геморрой в запущенной стадии. Этакая смесь дьявола и ангела выдавала в нём совершенно незаурядную личность. Оно и понятно, заурядная личность на курсы крупье при ВШЭ, для солидности названные академией, вряд ли подалась бы. Поэтому Гена и стоял, по привычке выдерживать многочасовое ожидание одновременно с нетерпением. Хотя, моче-вой пузырь все настойчивее звонил в колокол.

– По ком звонит колокол? – спросила дверь.

– Чего? – растерялся горе речепшеист.

– Чего застыл, спрашиваю? – из двери проступил, оставаясь при этом вровень с поверхностью, плешивый облик доктора ван Э, Бонцена. – Проходи, делай свои дела и не забудь смыть за собой, а то я уже задолбался зубной щеткой «очко» драить.

– Очко? – Гена выхватил знакомый из курса обучения термин. – В очко мне самому щетку вставят, – понурился он.

– Чего так?

– Да видишь, какая-то сволочь написала про Гоголя.

– Почему сразу сволочь? – обиделся призрак-«дух». – Николай Васильевич реально жив, я с ним разговаривал.

– А ты кто?

– Я невинно убиенный доктор ван Э, Бонцен.

– А за что тебя убили?

– Ну... – Э, Бонцен смутился, – это не важно.

– А что случилось, когда ты умер?

– Ночь сияла, пронизывая своей глубиной каждый уголок земли... а потом я стал «духом».

– Приведением? С формулой?

– «Духом», у них, призраков, в элитных трущобах Ползучего города форменная дедовщина, – вздохнул доктор. – Ладно, иди, а то твой пузырьрик уже задолбался дергать твой колокол за «язык», раздражая окружающим все шесть чувств, а я, так уж и быть, сотру надпись...

– Спасибо.

– Иди, человек интеллектуального труда и береги себя, нам, интеллигентам, после смерти среди быдла тяжело.

– Наши мертвые нас не оставят в биде, наши павшие как часовые, – облегчая пузырьрик, счастливо напевал Гена, – отражается небо лесу как в воде, и деревья стоят голубые...

В зеркале он уловил мерцающее отражение силуэта за спиной, испуганно оглянулся.

– У меня покруче, – мужчина в налобном фонарике распахнул плащ и продемонстрировал, – левое вообще из Британии, так что спрячь. Что ты тут про пид... в пел?

– Кто? – рецепшиончик поспешно застегнулся, едва не уполовинив молнией и так невзрачный стручок. – Я про деревья пел!

– Тут точно нет никакого сговора? – Михаил с металлическим звоном запахнул плащ. – Никакой подпольной организации? – он сдвинул фонарик и почесал лоб обухом ржавого топора.

– Ну, говорю же вам, вы ошибаетесь! Да нет тут у нас никакого сговора! И нет никакой подпольной организации!

– А ежели тебе топор в анус засунуть, небось по другому запоешь?

– Нет, господин инспектор, боюсь, он туда не влезет, говорю же, я не по этой части.

– Ладно, живи пока, жилетная душонка! И я не инспектор, хотя, х-м... – Иванович приосанился, – почему нет? Инспектор чрезвычайной антипидер... ческой комиссии! ЧАпдК! Звучит! – он исчез.

5 серия – Двое из ларца, звон яйца и бесогон в кубе

Бывший сослуживец солдата-киборга М. Ивановича, ефрейтор Ерохин быстро поднялся и отряхивался, будто ничего и не было. Да, что и не говори, после демобилизации гранатоносного Михаила нравы в подразделении стали царить гораздо более вольные. Сарафанов, испанец, Ерохин, Шадрин, Сашка-сапёр, ну и командир группы, старший лейтенант Саблин отрывались по полной.

– Мы будем говорить без разговоров, – Сашка-сапёр вздохнул и затянул распушенный пояс на гидрокостюме. – Я смогу подзорвать.

– Нет такого слова, – занудливо, будто вошедший в раж Костромин, пронудел инженер Шадрин, – нет.

– А наши пацаны так всегда говорили, когда раскуривали, – уперся сапер.

Народ как мог, сушился. Кто ноги промочил, кому-то за шиворот налилось, у кого-то накануне резиновые сапоги украли.

– При Ивановиче, небось, сапоги не воровали, – недовольно пронудел Шадрин. Признаться, он уже всех достал не хуже Костромина, но у него был спрятан план туннеля сокровищ, точнее проход в ТТ (Театр Теней), поэтому инженеришку приходилось терпеть. До поры...

– Говорят, что они и не человек вовсе, – Сарафанов, вытащив из кобуры термопистолет, повернул рычаг усилителя в боевое положение.

– Людь он, Михей, – ответил Саблин, – только улучшенный, на британский манер. Яйцо ему с киберначинкой пришили, он и свихнулся. Пал Палыч! Давайте, глянем, куда нас занесло.

Шадрин перестал возиться со своим промокшим обмундированием, открыл тубус и развернул восковой желтизны пергамент с отметками «особой, его величества канцелярии», вытащил логарифмическую линейку.

Испанец пнул жестяной ларь с надписью «Пирожки».

– Отставить! – Ерохин по-заячьи рассмеялся. – В мороз пригодится.

Шадрин начал разводить костёр.

– Закрой глаза, это sarporus, – прорычал Саблин, но было поздно.

Ерохин вспыхнул как горящий гриб, и стало видно, что он и был грибом, долгие годы талантливо маскировавшимся под Ерохина. Пылая, гриб-цветок-ефрейтор качался и ронял на пол тяжелые смоляные капли.

– Вот чего ему так фартило, – глядя на чадающего псевдо-ефрейтора, сказал Сашка-сапер и вытер копоть с маски. – Этот бывший гопник всегда знал, какая дорога верная; за полтора года войны его даже не ранило.

– Так это что получается, люди добрые? – по-бабьи вскрикнул лейтенант Сарафанов. – Это что же я, гриболюб что ли? У меня же дома баба, на печи ждет!

– Микофил, – автоматически поправил эрудит Саблин младшего по званию.

– При Ивановиче, небось, грибов не любили, – снова пронудел Шадрин.

– Достал ты! – Сарафанов выхватил «вальтер» и двумя выстрелами поразил глаза Щадрина. – Гугл для него, понимаешь, не авторитет!

Мертвый зануда рухнул на жестяной ларь.

– Всех бы вас так, критики позорные!!! – бесновался лейтенант, но недолго. – Падлы критиканские!!! Гугл читайте!!! Мебеля драные!!!

Саблин, оправдывая фамилию, приемом иайдо² выхватил саблю и зарубил Сарафанова.

---

² Ийдо (яп. ### иайдо:, дословно, искусство встречать сидя) – искусство внезапной атаки или контратаки с использованием японского меча (катана). В отличие от кэндо, здесь изучается не фехтование, а именно мгновенное поражение противника с изначально убранным в ножны клинком. Под «мгновенным поражением» понимается быстрое обнажение меча с последу-

– Не шуми, мы скифы, нам все односкифово, – вытирая лезвие о труп, сказал он. – Еще есть желающие отведать критиканского хлеба?

Сапер Сашка и внук графа-анархиста Рауль угрюмо промолчали.

– Тогда собирайте оружие, хватайте ларь и бегом к выходу! Наган инженера не забудьте.

– Духа бы нам, – робко сказал сапер. – Хоть завалиющего какого, сапоги чистить.

– Я подумаю, что можно сделать, а пока бегом!

Огни фонарей сливались в один неясный силуэт, в котором бежали суетливые тени с ларем.

«Это наш хвост, и он меня достал,

Смотри, смотри, Данила не переключай канал.

Это формат, я тут не виноват,

Цензуры нет, зато есть гребаный формат», – голосом Васи В. заголосил телефон старлея.

– Как и все, в школе я изучала английский язык, – сказал голос в трубке. – Как и все, ни тогда, ни позже я не могла на нем говорить.

– London is the capital of Great Britain, table, pencil, green, potato, – привычно выдал весь свой словарный запас Саблин.

– Как и все, я пережила не одну простуду, даже с пневмонией лежала в больнице, но не ощущала себя так. Понимаете о чем я?

– Я-я, даст ис фантастиш, – продолжал Саблин.

– Вы знаете, вампиров совершенно неправильно рисуют в книгах и фильмах. Не всё конечно, часть про кровь верна. Стать вампиром (заметьте, не заразиться, потому что мы не паразиты) можно не только через укус, чаще через кровь.

– Янки, гоу хоум, – лейтеха выдал все, что знал и шваркнул трубку о бетонную стену тоннеля.

«Баба Маша умерла!» – пронеслось в голове сапера.

«Как мы скажем дедушке?» – подумал Руис.

– Дядя Кеша погиб, – прервал мысленный разброд подчиненных Саблин. – Водитель старой Peugeot 206 цвета стали ответит нам за это!

– Ура! – грянул в тесном тоннеле дуэт сапера и испанца. – Ура! Ура!

– Родственники – это группа людей, которые собираются, чтобы выпить по поводу изменения их количества, – наставлял подчиненных лейтенант.

– Ура! Ура! Ура!

Выскочив из тоннеля, пробежали мимо памятника Ленину, который больше не указывает в светлое будущее, потому что руку у вождя отпилили на металлолом. Навстречу попался парень, сразу видно, что из тех, кого не любил Иванович: подкачанный, с хорошей причёской, в рубашке-поло и светлых джинсах. Картину дополняли широкие и чёрные усы как у Фредди Меркьюри.

– Сережа, – представился парень. – Грохнул я Макса.

– Поздравляю, – Саблин машинально поласкал саблю, – а за что?

– Макс меня бесил невероятно. Тридцатилетий неопрятный толстяк с сальными длинными волосами. Вел себя как подросток, одевался в нелепые футболки с псевдозабавными надписями. Туповатый, но гиперактивный. Вечно не смешно, но много шутил и лез везде, где его присутствие не требовалось.

– Теперь тебе пожизненное светит, парень.

– Что делать?

- В армию хочешь? От нас выдачи нет.
- А вы меня возьмете?
- Что состав подразделения скажет?
- Берем! – ответит дуэт.
- Новобранец, стать в строй! – скомандовал Саблин.
- Сергей робко пристроился сбоку от ларценосцев.
- Ну что, воины, вот вам дух, как просили.
- Ларь заberi! – сапер пробил Сергею «в фанеру».
- Усы тебе не положены! – испанец выхватил из сапога клинок и двумя движениями обкорнал у согнувшегося «духа» усы.
- Бегом марш! – завершил воспитание новобранца Саблин.
- Он появился из-за спины, суматошно озираясь по сторонам.
- Простите, вы не подскажете, как пройти к метро Электrozаводская?
- В три часа ночи? – подозрительно спросил Саблин. – Метро закрыто.
- Сашка-сапер прикурил бикфордов шнур на динамитной шашке, испанец достал наган занудного Щадрина.
- У меня 40 минут, чтобы туда добраться, – он отвернулся, сделал шагов пять и исчез...
- Эт чо было? – сапер откусил шипящий кончик шнура и плюнул в салагу.
- Глюки от паров гриба, – объяснил Саблин. Не зря он целый курс учился на историка: сумел научиться надуть щеки.
- Простите, вы не подскажете, как пройти к метро Электrozаводская? – перед солдатами возникла девушка. – У меня денег всего 6 рублей.
- Хочешь заработать, крошка?
- А разве так можно?
- У нас по всякому можно, – улыбнулся старлей.
- Нет. Нет, так нельзя, – попятилась девушка и пропала.
- Что это было? – спросил Сашка. – Тоже глюк?
- Без понятия, – признался Саблин. – Может, пример антисоциального заболевания, может, потом пойдем. Пока движемся по маршруту.
- А куда мы идем? – осмелился спросить пыхтящий под ларем Сергей.
- Мы идем к финалу, салага, – получив разрешающий взгляд командира, объяснил Сашка. – А ты пока права голоса не имеешь, – он отвесил любопытному мощный пендель грязным берцем. – И кстати, сапоги учись чистить.
- Вы же в берцах, – пискнул Сергей и схлопотал ногой под дых.
- Когда-то давно, на заре компьютерного века, была популярна такая игра – человек общался в чате пытался понять – с кем он общается, с компьютерной программой или с человеком. Человечество тогда пыталось создать так называемый искусственный интеллект, ИИ, – снизошел лейтенант, – и вот мы несем прототип ИИ в НИИ.
- Прототип ИИ?
- Украл у французов под предлогом обучения настольным играм.
- Двое мальчишек, замаскированные один под готического вампира с нарисованными каплями крови на лице и накладными клыками, а другой – под косматого, испачканного в грязи обезьяноподобного монстра, бежали по плохо освещенному переулку. Стив бежал первым, и первым заметил впереди странные фигуры. Мальчик сбавил скорость, и его друг Ли, подбежав, тоже остановился рядом.
- Эй, ты чего? – спросил Ли.
- Смотри, – прошептал Стив, – там, впереди.
- Вижу. Это, наверно, старшеклассники стоят.
- Где это ты видел таких рослых старшеклассников?

- Чего шепчетесь, школота? – ласково спросил Саблин. – На порнуху что ли идете?
- А вы кто? – Ли слыл самым храбрым парнем своего класса.
- Мы прилетели с миром... Кищщщ... Сопроводите нас к вашему правителю...

Кищщщ...

- А-а-а-а!!! – школьники, бросив мешки, кинулись наутек.

Испанец выхватил наган. Два выстрела, мальчики рухнули на асфальт.

- Уводит, – недовольно сказал Рауль.

– Все равно ты молодец, – Сашка подошел к телам и сделал из сафоновского «вальтера» два контрольных в головы. – Не люблю этих гнусных маленьких попрошаек. Дай конфету богомолу – спаси его от уныния!

– Хорош развлекаться, – прекратил лейтенант. – Двинулись. Люди всегда боялись тварей лезущих из Иного мира, мира мёртвых... – на ходу рассуждал он, проходя мимо кабака «Белые голубки». – Мир, говорили, круглый. Нет у него сторон, верти, как хочешь. Ан нет! Мир оказался плоскостью.

В это время в кабаке «Белые голубки» веселились.

– Эй! А-а-а, это что за пи... р? – протяжно выговорил Бородатый дед, у которого было лицо, идущее через правый глаз, глядя на руки человека в плаще из медвежьего меха.

Остальные из компании отвлеклись от своих разговоров и сперва посмотрели на деда, а затем и на незнакомца.

- Странный он какой-то... и капюшон не снял, – сказал толстый мужик, допивая свой эль.

– Слышишь, незнакомец, сними капюшон! – крикнула сидевшая у него на коленях девушка с низкой социальной ответственностью.

– Не думаю, что вам понравится увиденное, – спокойным тоном ответил мужчина в капюшоне, затем тяжело вздохнул и встал, сняв капюшон.

- Это Иванович! – закричал толстяк, падая на колени и едва не придавив шлюху.

- Молитесь! – киборг включил налобный фонарь и трижды взмахнул топором.

– Эй, ты чего? – бармен жалко тыкал в его сторону травматом, косясь на три свежих трупа.

– Берешь самую дорогую бутылку и засовываешь себе. Сам! – жестко ответил Иванович и, позванивая, пошел к выходу. – Бутылку запишешь на счет заведения.

Он вышел на крыльцо, вдохнул свежий воздух, пропитанный нечистотами выхлопов, и длинно плюнул в надпись «Пирожки» на проплывающем внизу ларе.

- Эй, ты чо, попутал? – горячий испанский парень выхватил наган.

- Грибое...! – Михаил снял с пояса мушкет и выстрелил в черный глаз.

- Миша!!! – заорал пораженный лейтенант. – Ты живой?!

– Герои Костромина не умирают, они появляются в продолжениях, – солдат картинно сдул вонючий дымок дымного пороха со ствола и выбросил неудобную железку за спину, попав в робко подкрадывающегося охранника бара. – И не забывайте, что я попал в закольцованное время. Ну что, скучали без меня? – он, нежно позванивая, сошел со ступеней, как ангел с небес.

Сослуживцам даже показалось, что над его головой светится нимб, но то было лишь свечение неоновой вывески, огибавшее его будто одинокую скалу с плоской вершиной двадцати метров в диаметре.

- Мы это... – попятился Сашка-сапер, – того...

- Смотрите мне, – Иванович задумчиво посмотрел на ларь.

– Ну как ты? – придя не много в себя, осмелился спросить Саблин. – На гражданке как оно?

– Борюсь, – кратко ответил Иванович. – Я теперь инспектор ЧАпдК, ни минуты покоя. Стоит кому-то упомянуть их... – гранаты усилили зловещий звон, – как появляюсь я. А дальше по старинке, – он показал топор с проржавевшим лезвием и потемневшим от крови топори-

щем. – Вот плащ по случаю достал из медвежьего меха на подкладке красного шелка. Снял с одного начписа.

– Ты куда теперь?

– Ты про миллиардера Сверюжего, футболиста, конечно, слышал. Подозрение имеется, что из этих он, которые под нейтральным флагом на олимпиаду ездят...

– Ну, помогай тебе Бог.

– А это что за штатский? – ткнул пальцем в синюю под одеждой грудь Сергея Иванович. – Одет как этот... может шлепнуть его?

– Я не позволю!.. – голос дал петуха. Сергей сложился пополам от лёгкого удара чуть ниже груди.

– Слышь, Миха, – робко сказал сапер, – не по понятиям это...

– Чего так?

– Это мой дух... а ты вроде как на гражданке...

– Х-м... – Иванович задумчиво посмотрел на сапера, тот нервно затеребил взрыватели. – Смотри, – покачал пальцем, – я за вами наблюдаю, – он исчез.

– Что это? – Сашка неумело перекрестился.

– Возможно, некоторые побочные эффекты, в том числе и психотропные от близости ИИ, – неуверенно промямлил лейтенант на слегка постаревшем, но еще живом языке.

Откуда-то вылез призрак в кальсонах и уставился на людей. Сергей сплюнул в него, а Сашка сделал неприличный жест, засунув палец за щеку и подвигав там. Хотя, может, он просто проверял шатающийся зуб?

– Луголам не б, – выдал призрак.

– Пшелнах, – кратко ответил лейтенант и, сняв капюшон гидрокостюма, а потом фуражку пригладил седые волосы, – только тебя здесь не хватало.

Призрак попятился, но за его спиной возник еще один: тучный четырехногий мужчина, шагнувший вперед своей передней – правой – ногой.

– Я предупреждал, – Саблин выхватил саблю и двумя точными движениями превратил тучного в двуногого.

Призраки в панике бежали, бросив утраченные конечности. Пулеметная очередь за окном из капель дождя прозвучала внезапно для всех. Длинная черная машина остановилась рядом. Из машины вышли три курящих офицера СС, раскрывшие над собой зонты.

– Немцы в городе, – прошептал сапер, снова прикуривая динамит.

– Я-я, даст ис фантастиш, – выдал Саблин.

– Diese Vertreter der parasitären Lebensformen³, – выдал оберфюрер, кивнув на троицу.

– Я-я, даст ис фантастиш, London is the capital of Great Britain, table, pencil, green, potato, – частил старлей.

– Hello, you English scouts⁴?

– Командир, чего это он базарит? – вполголоса спросил сапер.

– Про английское посольство спрашивает.

– А-а, там, – сапер показал рукой, незаметно бросив в открытую дверь динамит, – там оно. Туда езжайте.

– London is the capital of Great Britain, – махнул рукой в ту же сторону лейтенант.

Нацисты, переглянувшись, отдали знак уважения, вскинув правую прямую руку вверх, выше горизонта и сели в машину.

– Пригнитесь, – скомандовал Сашка.

---

³ Это представители паразитной формы жизни (нем.)

⁴ Здравствуйте, вы английские разведчики? (англ.)

Машина проехала полквартала, прозвучал глухой взрыв, стекла брызнули во все стороны, пламя охватило мрачное творение сумрачного тевтонского гения.

– Не забываете, падлы, Сталинград! – сказал Сашка.

– Болезнь измотала дряхлое тело Рейха и приказала долго жить, – Саблин снял фуражку и перекрестился. – В очень давние времена в моей Америке мастер Йода хорошо сказал про это.

Потом поднял выброшенный взрывом старый потрепанный портфель из бежевой кожи.

– А теперь вперед, – скомандовал он.

– А испанца так и оставим?

– Разрешаю взять на память глаз и бегом.

– Слушаюсь!

Сапер вытащил из сапога испанца нож, вынул им из глазницы глаз, спрятал его в оранжевую коробочку из-под аспирина UPSA и пинками погнал вслед за Саблиным неопределившегося Сергея. Клава-буфетчица, невысокая, приземистая женщина с огненными волосами и веснушками, спрятанными под стойким макияжем, вынырнула из подворотни дряхлой пятиэтажки и, звучно сопя, воровато собирала в жестяное ведро разлетевшиеся от взрыва дойч-марки.

– А денежки-то я приберу, нечего им тут валяться, – по памяти цитировала классика она.

К ней, поблескивая стальными зубами, подошел кот, похожий на отощавшего кота Бегемота.

– Теть, дай денежку, а? – нагло сказал он. – Жрать охота, от кваса уже в кишках бурчит, а так хочется двойной хот-дог и три салфетки.

– Иди травки покушай, паршивец, – буфетчица потрясла ведром, утрамбовывая добычу. – Будешь знать, что критикой не прокормишься, паразит, – она подумала было пнуть кота, но посмотрев ему в глаза, шарахнулась и кинулась обратно в подворотню.

– Клава, значит, – кот достал блокнот и оранжевую ручку DYNABRADE, – запишем для памяти. Клава, хм... – напротив имени появился маленький могильный холмик и венчающий его крестик.

6 серия – Осколки Лунбасса и Рок-н-ролл этой ночью

– Ведь никто из обычных людей не знает, что будет там, по ту сторону, – усмехнулся кот, подобрав оторванную взрывом левую ступню в ботинке. – Хорошая кожа, умели фрицы делать обувь. Примерно сорок третий наш... Нужен одноногий, – вытряхнул ступню в огонь, ботинок закинул в армейский ранец, болтавшийся за спиной. – Хорошо тому живется, у кого одна нога, – хулигански пропел он, – и зал... а меньше трется и не надо сапога, – отодвинув странное ярко-красное покрывало, скользнул в подворотню.

Вокруг догорающей машины бродили, словно ища что-то или кого-то, существа, издающие, подобно рою пчел, странное гудение. Белые овалы черепов без глазниц и носа, оскалы гнилых зубов. Из ртов сочилось что-то черное, жирное и вонючее, похожее на нефть марки Urals⁵. Существом огонь был нипочем, они спокойно просачивались сквозь угасающее пламя. Железо шипело, мясной аромат разливался в воздухе. Тяжёлые тучи постепенно затягивали лиловое сумеречное небо, ветер гулял в кривых ветвях деревьев, терявших свою листву, а в воздухе стоял могильный запах холодной земли. Откуда-то доносился хриплый уродливый гай.

– ...а из-за того и не давать возможности прекратить утечку воздушной смеси в поверхностный вакуум, – продолжая разговор, к догорающему пламени подошли два бомжа, бывшие буровики-сантехники.

Один из них, негр Серега, тащил украденный с буровой платформы «Цзунь-Янь» бур, второй, третий член Серега, в грязном сером одеянии – куртке и мешковатых штанах, катил бочку со смазкой.

– Давай погреемся, – сказал третий член. – За это время шо ни будь да произойдет.

– Давай, – Серега скинул с плеча бур и, скрутив потертыми перчаткам фигуру из трех пальцев, начал кривляясь плясать вокруг огня, мелькая сиреневым комбинезоном. – Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, бурильщик на все сто, о-о-о!

Воздух за его спиной задрожал и начал сгущаться в фигуру человека с топором.

– Встречайте прямо из Москвы, я, третий член и Томати! – сменил репертуар темный человек.

За его спиной вспыхнул желтый огонек света, оказавшийся налобным фонариком.

– Пид... ы! – взвыл Михаил Иванович и топор дважды взвился в ночи. – Ишь ты, пляшет тут фифа... Проклятые гоблины!!!

Бурильщики нетрадиционной бурильной ориентации рухнули возле обгорелого остова. Существа без лиц поспешили убраться с глаз грозного киборга.

– В мире, где люди теряют облик Homo sapiens, просто необходим тест на человечность. Иначе нельзя. Только такого теста нет. Приходится каждый раз делать новый выбор, – внушительно сказал Михаил вслед существам без лиц.

– Неудобный плащ, – осматривая трофейный бур, пожаловался он, – жарко в нем, тело не дышит, – сбросил плащ из медвежьей шкуры на бочку. – Еще и подбой этот красный шелковый, чисто Понтий Пилат или пид... р какой...

За спиной возник Иванович и проломил ему череп. Нападение было неожиданным. Можно сказать, даже подлым.

---

⁵ Urals – российская марка экспортной нефтяной смеси. Получается смешением в системе трубопроводов «Транснефти» тяжелой, высокосернистой нефти Урала и Поволжья (содержание серы в которых достигает 3,0%, а плотность в градусах API не превышает 26—28) с лёгкой западносибирской нефтью Siberian Light (плотность 36,5 в градусах API, содержание серы 0,57%). Итоговое содержание серы в нефти сорта Urals должно составлять не более 1,2—1,4%, плотность в градусах API – 31—32 [2] (или 860 – 871 кг/м³). <https://ru.wikipedia.org/wiki/Urals>

– Ишь чего удумал, правоцентрист, казенными плащами разбрасываться, – накинул плащ поверх своего черного, снял со своего трупa фонарик, подхватил второй топор, споткнулся о старый пластмассовый трактор и исчез.

Сбоку раздаётся шуршание, едва слышное. Два серых кота показываются из тени и вступают в круг света. Все также в кругe света переходят улицу и исчезают среди домов.

Из подворотни вывалилась умирающая Клавка-буфетчица. В спине ее торчала остро заточенная оловянная лопатка, в левую ногу вцепился зеленый пластмассовый динозавр Джордж. Мимо шла эвенкийская девушка Айни, держащая в руках лук.

– Женщина, вы стрелу не видели? – спросила орочонка.

– Нет, – пробублькала Клава, готовясь испустить дух и поэтому решительно настроенная впервые в жизни говорить только правду.

В восемьдесят два даже как-то стыдно бояться смерти.

– Она должна быть у жениха моего, любезного Алхаллала.

– Там, – буфетчица вытянула руку и испустила дух.

– Пусть твой нагрудник сохнет не просыхает, сгниет от сырости; а самой тебе вонять провонять под лабазом, – проводив указавшую в последний путь, девушка в расшитом горностаевом нагруднике и бадлоне, поморщившись от шибанувшего в нос духа, двинула в указанном направлении, пнув болтающуюся под ногами виолончель самого Виолончелиста.

– И смеется он и хохочет он, – напевала девушка, – злой шутник, озорник Купидон....

Откинувшая коньки (и когда-то украденную в театре виолончель) Клава оказалась в куске пространства (да-да! именно куске!): белом, светлом, где можно было ходить, не ощущая твердости под ногами. И пола-то там не было! Там было две двери, которые просто висели друг напротив друга. Коснулась теплой бархатистой ручки и дверь сама тихонько отворилась, отчего внутренности свело судорогой ужаса.

За дверью обнаружился офис и Крисп, лениво стреляющий из рогатки в мух за окном, вившихся вокруг трупa, сушащегося на подоконнике. Труп был несвежий, иссохший, в пролежнях.

– Вам чего, миссис? – повернул голову на звук открывающейся двери.

– Слышь, сэр недоделанный, – после смерти к буфетчице вернулся все нажитая наглость, – я за справедливостью пришла.

– В смысле? – мужчина крутанулся в кресле, чтобы лучше видеть посетительницу. – Позвонили в четверг, по-моему... Я вот и пришла... – лампочка под потолком начала постоянно мерцать.

– Вот же круто! А зачем?

– Кот сюда нырнул?

– Какой кот? Тут была кошка, по фамилии Воробьиди, а кота не было.

– Критик этот блохастый! Убийца вечно голодный! Голодранец поганый!

– Сударыня, я бы попросил вас выбирать выражения.

– Слышь, сударин, мало ваших в семнадцатом году давили! Я тебе руки выдерну и в жопу засуну, дворянин вшивый!

– Вэл, вэл, вэл, – из угла вышел хлопающий в ладоши Чернокнижник, – какая экспрессия, хоть прямо сейчас на полотно экспрессиониста! Надеюсь, вы простите, что я вмешался в ваш увлекательный разговор о зверях и людях?

– Ты еще что за чмо с горы? – подозрительно потянула носом Клавка. – Что-то лабазом пахнет, – негромко сказала она в сторону.

– Я здешний светоч мысли, – не обиделся Мартин, – и заодно посредник между мудростью черного и белого человеков. А пахнет не лабаз, а труп.

– Я вот тоже померла, а пока спускалась на лифте в ваш гадюшник поняла, что надо справедливость найти.

- И как вы оказались здесь?
- Тута я благодаря украденному мной у Генки 153 рубля ключу.
- Вы бы присели, в ногах правды нет, – любезно предложил Криспиан.
- Эт ты чо, намекаешь, что у меня жопа большая? – набычилась Клавдия и грозно шагнула вперед.
- Ничего подобного я не говорил, просто мне неудобно все время задирать на вас голову.
- Ты еще не понял, на кого хвост задираешь, – наглая мертвая бабища, откормленная на краденых бутербродах, плюхнулась в жалобно задрожавшее кресло. – Кот ваш, сволочь, ведро у меня украл. С дЕньгами, урод!
- Мы грабежами не занимаемся, это вам в полицию.
- Они у мертвых заявления только про убийство принимают, а мне с него толку как орочонке с толчонки. Короче, я останусь здесь, пока ситуация не прояснится.
- Какая ситуация? – изумился Мартин, успевший снять Клаву на айфон и выложить на ютуб с пометкой: «Приколись, сейчас она вылетит из окна».
- Эти телефоны влияет на сердце, – ткнула в него пальцем бывшая повелительница буфета. – Отдай лучше мне, я мертвая. Мертвым хорошо, они глаза не портят.
- Давайте вернемся к причине вашего визита, – напомнил о себе Криспиан. – У нас много работы, а разговоры о некрокулизме отвлекают нас от сути.
- Этот проклятый облезлый убийца...
- Стоп, стоп, стоп, – Мартин убрал смартфон, – давайте по порядку. Кого он убил?
- Сына моего!!! – Клава собрала в горсть объемную левую грудь и рванула. Брызнули пуговицы ГДР-вской кофточки.
- А вас не было сына, – уличил Крисп.
- Как это не было? А рассказ? Эта скотина мой рассказ раскритиковала! Она его просто убила!!!
- Ответ понятен даже без привлечения кибернетики, – зевнул Мартин и, выхватив из-за спины черный томик, томагавком отправил его в полет.
- А-а-а!!! – взвыла нежить, чей череп был наполовину развален ребром врубившейся книжки.
- Чернокнижник снова начал снимать.
- А-а-а!!! – разбрызгивая и при жизни не блещущие мозги, вскочила на подоконник и канула в горячем воздухе.
- Ну что скажешь? – Мартин плюхнулся в кресло.
- Ну, тут слегка получше, но надо возвращаться.
- Зачем?
- У зрителей еще куча вопросов.
- Каких, например?
- А какова судьба Просто Марии?
- Где, полюбившийся нам, Фай Метов?
- Застенчивая Фабиолла?
- Как ИИ попал в руки подразделения?
- Кто разложил моральный дух подразделения?
- Кто слабое звено?
- Мадам Петушкова?

Тей, щуплый паренек в очках, почти на ощупь возвращался домой с оргии в клубе «Морозко», когда услышал жалобное мяуканье. Остановившись, он озадаченно огляделся, но вокруг никого не было. Люди редко столь поздно выходят из дома с добрыми намерениями, коты тем более. Тей вздрогнул. Лучше испачканные штаны, чем кусающийся котенок. Теймен

знал о существовании котولاков, и хмель сняло, будто выплеснувшейся из ванной холодной водой. Тут на глаза попала табличка с адресом, и он понял, что адрес ему знаком. Он начал долбить в дверь из толстого стекла.

– Вай, чего стучишь, да? – за стеклом возникла тень в фуражке летчика.

– Откройте!!! – Тей начал трясти ручку.

Дверь открылась.

– Тебе чего, парень? За книжкой пришел? Так поздно, Чернокнижника нет уже.

– Пустите! – Тей проскочил в холл. – За мной гонятся!!!

– Черти? – спросил летчик.

– Черти? – Тей посмотрел на него и в страхе попятился. – Мимино?

– Вах, похож, да? – Мимино подбоченился. Он был одет в неплохо сохранившиеся галифе и парадный френч, на ногах были высокие сапоги до середины бедра.

– Похож, – сглотнул парень, жалея, что «кислота» кончилась.

– Аэр меня звать. Приехал на Мимино поступать, а не взяли, – повесил матерый нос грузин. – Вот, пришлось ночным охранником устроиться. А ты чего?

– Там что-то есть, – ткнул в ночь за стеклом.

– Я бы сказал, тут чего-то нет, – возразил Аэр.

– Tertiumnondatur, – резюмировал Тей.

– Я и говорю, термимундатор шалит. Пошли лучше покушаем, а? Гость в дом, Бог в дом, – он потащил парня к стойке ресепшена.

На стойке была расстелена газета «Жэньминь жибао», на которой лежали шампура с мясом, лаваш, укроп, толстый мохнатый стебель с единственным голым узлом посередине, стояла собачья миска с соусом и бутылка темного стекла. Сбоку лежал «Незнайка на Луне».

– Кюшай, дарагой! – грузин махнул на яства. – Все бесплатно, да.

– Спасибо, – Тей схватил шампур и вгрызся в мясо, справедливо рассудив, что пока он ест, его не выгонят на улицу. – Вкусно. Баранина?

– Молодой савсэм барашка был, да. Игорьком звали...

Парень поперхнулся, но прикинул, что сытый каннибал рядом предпочтительнее банды голодных котولاков в темноте. Утверждать же, что вот и встретилось чудо в ночи, не позволяли глаза.

– Пэй, дарагой! – хозяин налил в два граненых стакана, сделанных из телескопа, чокнулся с гостем.

Выпили.

– А что имя у вас не грузинское?

– А, – Мимино махнул рукой, – индеец я, черокки. А в Москве индейцев только в порнуху берут... в общем, решил грузином прикинуться, – погладил указательным пальцем с тонкой линзой на самом его кончике, – чтобы не шпинали маленького индейца.

– А-а, понятно, – Тей закусил укропом, размышляя о превратностях молекулярного хаоса. – У нас после лекций тоже некоторых находили избитыми в туалетах

– В миску макай, ткемали, слышаль, да? Вкусно.

– У вас есть газоанализатор?

– Слышь, э, жри, не выживайся.

– А скажите, – смутился Тей, – водится здесь что-то вроде козы? Или коровы...

– За чем коза? Женщины ходят, да. Пойду попрошу роботов, пусть изловят экземпляр.

– Тут есть роботы???

– Илья Ильич! – позвал сторож.

– За что вам, говнам, деньги платят? – из темноты вышел пузатый, подобный Буратино, с легкостью вошедшему своим золотым ключиком в лоно замка, жрущий чипсы мужик в трико.

– Это робот?

– Баба-робот, первая модель.

– Погонял порнушку, посмотрел стрелялку, – отозвался Илья Ильич, подходя. – Лучше рукоблуд и обжорство, чем газовые камеры, телевидение и вазелин. Наш завод – это семья: мама и папа теперь для вас я. Инициативы проявлять не нужно, делайте вид, что трудитесь дружно. Можете спать и бить баклуши, для завода это будет лучше. Можете даже ...уи попинать, главное, ничего не сломать, – Баба-робот взял «Незнайку на Луне», просканировал пару страниц.

– Нудятина, – зевнул Илья Ильич. – «ЭмманЮель» лучше.

Он захлопнул книгу и тут, к немалому изумлению Ильи Ильича, из переплёта выскочил засохший стебелёк, травинка с едва заметным голубым лепесточком.

– Голубой цветок, – нагнувшись, воскликнул он. – И что мне с тобой делать? – не успел Илья Ильич озвучить этот риторический вопрос.

– Не трожь цветочек, Илюша, или я тебя зубами зарежу! – закричал Мимино, но опоздал.

– Пид... ы!!! – вскричала темная фигура, полыхнув надобным фонариком, карающей молнией сверкнул топор, наотмашь зарядив холодным железом.

Баба-робот темной грудой залег на полу.

– А ты говоришь, Tertiumnondatur, – подвел итог индеец-грузин и снял фуражку. – Иванович разит как Гойко Митич, аминь. Всегда, сука, хитровыделанный был.

Со словами: «Шли бы вы по домам, господа хорошие, Владу Аароновичу дохтур допоздна велел не засиживаться!» темная фигура исчезла.

– Да, ещё ведь и Гумилёв с Волошиным запросто могут заявиться, – прошептал Мимино.

– Пойду я, а? – попятился парень.

– Напишите книгу! – жарко зашептал ему в ухо Аэр. – А пока давай на посошок, – он снова разлил. – Может быть, ещё придёт Черубина де Габриак.

Внезапно дверь распахнулась и на пороге появилась Анна с бутылкой масла. Она лениво обвела взглядом присутствующих и как только наткнулась на них, резко зашагала к стойке.

– Что это вы такие кислые? О, спасибо! – схватила стакан и залпом осушила. – Помер что ли кто?

– Баба-робот, – объяснил Аэр. – Мишка ему череп проломил.

– Мишка – красавица! – Анна сняла предохранитель. Надо сказать, без него девушка выглядела гораздо эротичнее. – Уж полночь близится, а Германа все нет, – Анна эротично запихнула в рот шампур. – Давайте что ли трахнемся? Тц, – нахмурилась она, – главное не забеременеть от эльфа.

В дверь постучали.

– Кто там? – поправил фуражку Аэр.

– Курьерская служба «Пиддора», откройте.

– Пид... ы!!! – раздался крик за дверью, вспышка топора и тишина... лишь нежно позвякивают будто бы колокольцы на тройке замерзающего в степи ямщика.

– Опять он, – прошептал псевдо-грузин. – Этот страшный киборг четвертого уровня. Замрите!

На пороге обнаружился мертвый бугай с огромной кустистой рыжей бородой в кожаной куртке. Его желтые глаза вцепились в него и когтями рвали лицо.

– Тей, бороду завести не желаешь? – спросил черокки.

– Нет, – прохрипел Тей голосом ветерана.

– Жаль, а то мог бы куртку для нее забрать, – он подобрал валяющийся рядом автомат «узи», отщелкнул магазин, – Ого, пули-задницы, круто! Почти как шагающие стрелы в Канторе. Видать, парень собирался нас грабануть, – пошарился в карманах куртки бороды и достал электрошокер.

– А что бывают шагающие стрелы?

– Всякие бывают. Бывают даже гадящие сверху на людей. Мне раз в Ларге одна на плечо по-крупному нагадила. Еле отстирал куртку.

– Нафиг мне борода? – покосился на куртку парень.

– Станешь ламберсексуалом, опять же, в холода борода помогает...

– Так ее же надо в размер куртки растить? – с сомнением спросил Тей.

– Зачем? Это же унисекс, она на любой размер подходит.

– Тогда, пожалуй, возьму.

– Тут главное, чтобы борода расти начала нормально, лопатую, а не клочками. Зовут его Игорь. Игорь Воронцов, – индеец добрался до паспорта. – Звали...

– Как ты сказал, Воронцов?

– Да какая разница?

На улице стали появляться девушки в тонких пеньюарах и берестяных кроссовках. С уверенной полуулыбкой и взглядом бывшего боевого рубаки, индеец небрежно махнул девушкам рукой. Те в ответ демонстративно громко захихикали и с визгом убежали к ратуше. Дождавшись, когда девчонки скрылись за углом, Мимино заметно сдулся, и продолжил, как ни в чем не бывало:

– Пошли, стажер, Аньку попробуем раскрутить, а то Иванович про нас может чего худое подумать, а это чревато, сам видишь.

– Аньку?

– Она интересный человек, хорошо разбирается в древней истории про мастера и Маргариту.

– А она даст? – заалел Тей.

Казалось бы, только что с оргии, ан нет, будто целая жизнь прошла. Танатос этой ночи властно толкал в объятия Эроса.

– Постарайся.

– Да, это не «Смерть на рэйве»...

По улице проспешила девочка с пёсиком на поводке.

Они вернулись к стойке.

– А не помянуть ли нам? – извлек откуда-то из ящика пыльный нефритовый стакан Аэр. – Опять же, свежо на улице.

– Наливай, – согласилась девушка, сосредоточенно рассматривающий половаляющийся голубой цветок.

– Наливал в бокалы я киндзмараули, а гнилые руки резали сулугуни, – мурлыкал Мимино, наполняя мерные стаканы.

– Ничего они не гнилые, – Анна продемонстрировала мозолистые ладони. – Попрошу без намеков.

– Какие у вас сильные руки, – начал неловко клеиться Тей, – вы, наверное, спортом занимаетесь?

– Это от пулемета, – коротко ответила девушка, смерив будущего ламберсексуала взглядом. – Он хорошо развивает.

– Ты вчера ходила на «Агату Кристи», я пинал по моргу срезанные кисти, – продолжал мурлыкать Аэр. – Ну что, накатим!

Выпили.

– Скажите, Анна, – толкаемый в ребро либидо, решил Тей, – а парень у вас есть?

– У меня есть пулемет, мне хватает. Когда рубишь очередью цепь белых, это такой оргазм!!!

– А для здоровья? Врачи же рекомендуют, – начал мямлить парень, – «Неделя», «Для дома, для семьи».

– Для здоровья у меня Петька есть, для руководства – Василий Иванович, а для политической зрелости – товарищ Фурманов. Слышал про такого?

– Слышал, – приуныл Тей. – Скажите, а вот масло вам зачем? – сделал он еще одну попытку.

– Пулемет смазывать, зачем же еще? Правда, однажды, пришлось плеснуть на трамвайные рельсы, но та история давно быльем поросла, – девушка ушла в мрачные воспоминания.

Потом достала пачку «Союз-Аполлон», выщелкнула сигарету, вставила в рот, вопросительно посмотрела на мужчин.

– В вашей Чухломе не учили подавать даме огонь? – не дождавшись, спросила она.

– Немного огня в середине пути, немного огня тебя могут спасти, – начал напевать индеец, – от наркоманов и от обезьянов...

– Хлюпики и мозгляки! – выплюнула сигарету и, забрав бутылку, ушла.

– Не дала, – вздохнул Тей.

– Она бутылку перепутала, – успокоил Аэр. – Забрала мой зеленый «Эльфоруб».

– Значит, еще вернется? – Тей с надеждой посмотрел на дверь и поправил очки.

– Конечно, купит эбонитовый портсигар на улице Фабрициуса и сразу вернется. Она прекрасна и холодна. И безжалостна, и непредвзята. У неё нет чувства юмора, но она способна заставить врасплох.

– Может попробовать тех, в пеньюарах?

– Даже и не думай! Это же Пять Василис! Ты бы еще желторожих индейцев попробовал! – достал зелененькое яблоко и начал напевать. – Раскачаем это мир: или волки или мы. Тут для карлов места нет, корявым места нет! – нарисовал огрызком грустный смайлик на стойке. – Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Она любит играть – ее игры забавны. Ну, а я собираю игрушки для Анны.

В нос резко ударило запахами благовоний и специй.

– Я не специально, – смутился индеец.

Глаза его метались в разные стороны, как стрелка метронома.

– Я расплавленный завод, чья-то слава и почет, чья-то смерть, – начал напевать он. – Я, я, я, вертолет, вертолет, вертолет, вертолет...

– Слышь, Аэр, а повеселей песен ты не знаешь?

– Пачему нет, да? – Мимино сдвинул фуражку. – Слющай, да. Маленький слоновий театр, свет керосиновых ламп, передо мной снова болтаются, ноги тех, кого я читал... А там внизу, тает снег, тает снег, там внизу – морг.

Тей зарыдал от вулканического прилива чувств.

7 серия – Страшная месть индейца Джо

Улицы, ведущие к работе, были покрыты тонким слоем смолы, осажденным из плотных облаков, плавающих в атмосфере. Фай шел осторожно: ему казалось, что это либо сопли, либо след гигантского слизня. Оно и понятно: не каждый про имплозию сообразит на фоне одинаковых домов с одинаковыми окнами, в которых виднелись одинаковые девушки. Навстречу вместо общественного транспорта пронесся гнедой жеребец в аэробуере, едва не сшибив мужчину.

– Разбери тебя лихоманка, – выругался Фай вслед громко ржавшему лихачу, – чтоб у тебя подковы поотваливались, мерин ленивый! Волчья сыть, травяной мешок! – снова выругался он, споткнувшись на свежем навозе.

Хотелось бы замутить с очень харизматичной девчушкой, но надо было идти на работу, а там харизматичнее Фабиоллы и пока неведомой Фаю принцессы Розы никого не было. Хотя он познакомился еще не со всеми обитателями странного здания.

– Гиффи заботится о вас! – прокричал стоящий на площади человек в костюме пингвина. – Да хранит вас Н.В.! – он попытался сунуть Фаю в руку цветную листовку, но наткнувшись на холодный взгляд мужчины, отпрянул, испуская жуткий запах. К ногам его рухнули три мертвых голубя.

Фай был уже не тот зеленый новичок. Новая работа закалила его – как масло клинок из углеродистой стали.

– О себе позаботься, – процедил он, – тут таких не любят.

– Каких? – пропищал пингвин.

– Таких, кто убивает птичек мира и не платит за охрану... – зловеще сказал он.

– А кому заносить надо? – засуетился черно-белый, присев на яйца.

– Чем торгуешь?

– Киберимплантаты... Клинеры...

– Что за чушь?

– Член наращивают ими... из титана...

– Понятно, жеребец не от тебя катил?

– Верно, первый сегодняшний клиент.

– Заносить будешь вон в то здание. Спросишь Фая, это я, или Криспиана с Чернокнижником.

– Сколько?

– Четверть.

– Не многовато, а?

– Хочешь стать четвертой мертвой птичкой? Или первой живой?

– Это как?

– А так, что будешь кукарека...

В воздухе замерцала фигура человека в черном плаще, налобном фонарике и с топором.

– Пожалуй, лучше просто убьем тебя, – сбледнул Фай.

Фигура Ивановича исчезла, будто и не было ее.

– Согласен, мне на днях переведут крупный грант, и я передам вам долю.

– Смотри, у нас не повторяют, – мужчина взял листовку, высморкался в нее, вернул пингвину, поднял мертвых голубей и поднялся на крыльцо.

В нос резко ударило запахами благовоний и специй. В холле сидели ночной сторож Мимино с каким-то щуплым штымпом в очках и хриплыми голосами тихо пели:

– А тем, кто ложится спать, спокойного сна. Спокойная ночь.

– Здорово, славяне, – приветствовал Фай. – Квасите?

– Слюшай, выпили уже все, да.

– Вот она двойственность человеческого характера, – подтвердил щуплый.

– Слушайте, вы что, масло пьете? – посмотрел на стойку Фай.

– Гиповитаминоз у меня, – сказал щуплый, – вот, пью для витаминов.

– Не слушай этого балабола, он под «кислотой», – поправил фуражку Мимино. – Это Анна забыла.

– Ничего себе! – восхитился Фай. – Вы сюда еще и баб водите? Оргии масляные устраиваете? Куда катится мир! – прошел к лифту и вознесся в офис.

Еще в дверях почувствовал тонкий аромат лавандовых духов, исходящий от Криспиана.

– Привет, коллеги, – поднял руку.

– Здорово, стажер, – Чернокнижник, стоя у окна, жевал бутерброд с колбасой, совершенно не обращая внимания на жадных чаек, которые ждали сигнала от зависшего напротив Мартина колибри.

– Это колибри? – удивился Фай.

– Это жопа с перьями, – равнодушно ответил Чернокнижник и проглотил остаток бутерброда.

Будто по команде чайки обратились паром и втянулись в клумбу, второй год бывшую «под паром». Колибри, в досаде плюнув на ПВХ подоконника, улетело на запад.

– И снова здравствуйте! – ощутило ткнув Фая в левую почку, чтобы освободить проход, всплыла Фабиолла.

Сходу посыпала сахаром бегонию, положила на стол вытянутый медицинский бутылек со светящейся зеленоватой жидкостью, и лишь после этого утомленно рухнула в кресло. За окном пролетел крупный осьминог.

Генка пришел на работу прямо в жилетке и козырьке – ночью была практика в казино.

На крыльце его встретил фривольный труп с голой ассирийской бородой и проломленным черепом. За стеклянной дверью жалостливый дуэт:

– И молодая не узнает, какой у парня был конец.

– Я вам таки вечно говою, – воспользовался паузой пингвин, – конец можно и нугно таки увегичивать.

– И она вернется? – всхлипнул паренек в очках.

– Как будто горькое вино, как будто вычурная поза, под шум хмельных идей пришла мечта о ней, как будто роза под наркозом, – посулил индеец.

– Что тут происходит?! – всплеснул руками Гена. – Мимино, что за бедлам на моем рабочем месте?!

– Да, я люблю. Да, я люблю. Об этом песни я пою, и петь не надо о другом: мы о другом споем потом, – продолжал Аэр.

– Вы что тут как содомиты?! – произнес страшные слова репепшеонист, но никакого мужика с топором не появилось, что свидетельствует о том, что не всякая мужская дружба, зародившаяся ночью под бутылку, перерастает во что-то большее. – Развели тут «Горбатую гору»!

– Это кто? – паренек поднял на бушующего залитые слезами очки.

– Это лакей тутошний, мелкая сошка.

– Я?! Лакей?! – Геннадий выхватил стыренный в магазине канцтоваров нож для бумаги и крест-накрест полоснул сторожа по лицу. – Тут тебе не твой личный штат Айдахо, тут общественное место!!!

– Ты его?.. – паренек в ужасе смотрел на катающегося по залитому маслом полу Аэра, зажимающего руками кровоточащее лицо.

– И тебя порешу, падла галантерейная!!! Забирай кореша и валите отсюда, синус дражный!!! Иначе уложу в ящик с гладким стенками по бокам и железной плитой перед лицом с миллионом болтов!!!

– Я, пожалуй, пойду, – робко переваливаясь, направился к выходу пингвин. – У меня на площади дела... – и тут же замер, будто вкопанный.

Вошла девочка в малиновой блузке и синих джинсах. У нее были красивые каштановые кудри до плеч, однако на лицо Гена ей дал бы не больше шестнадцати. Хотя, глядя на фигуру, которая благодаря то проявляющимся, то исчезающим оптическим эффектам, становилась фигурой взрослой девушки, мог бы и поднапрячься... Особенно, когда в дырах мелькали кружевные черно-красные трусики. Проблема в том, что и шестнадцати у него с собой не было.

– Задание 1. В треугольнике ABC угол C равен 90° , $AC=16$, $BC=12$. Найдите радиус вписанной окружности, – сказала девочка.

– Чего это она? – попятившись, шепотом спросил пингвин.

– Вижу, с учетом у вас как на Z312, – сплюнула девочка. – Жмура своего хоть приберите, дергают по пустякам, тут работы на час, а посылают на день, – она развернулась и ушла.

– Это Смерть? – пролепетал пингвин побелевшим клювом.

– Я откуда знаю? – Геннадий Михайлович задумчиво посмотрел на Тея и на труп. – Слышь, чувак, тебе работа нужна?

– Мне?..

– Тебе, тебе. С бесплатным жильем...

– Ну... нужна...

– Тогда бери своего бывшего кореша и неси в офис 312, они холодильниками торгуют. Положишь его там до вечера.

– А потом?

– А вечером будешь проставляться. Мангал и уголь у него в подсобке. Пожаришь, представишься по всей форме.

– А в отдел кадров там, еще куда?..

– Оденешь его фуражку, будешь пить и квасить – никто и не отличит.

– Так я пойду? – осторожно напомнил о себе пингвин.

– Стопэ! Помоги Мимино донести мясо до холодильника.

– Но я...

– Иначе там будет и твоя тушка!

– Идемте, молодой человек!

После непродолжительного подъема на лифте они оказались перед дверями офиса 312. Высокий тощий мужчина в белоснежном халате из странной материи неожиданного фасона улыбнулся Тею и пингвину.

– Вы наш новый Мимино?

– Ну... да...

– Приятно познакомиться, меня зовут доктор Эрик Картман, – бархатный баритон доктора звучал как музыка. – Кладите мясо вон в тот аппарат, «Три Острова». Вечером как обычно заберете?

– Да.

– Надо еще трахнуть по маленькой, а то романтизму маловато, – доктор потряс колбой с прозрачной жидкостью, извлеченной из портфеля из кожи неведомого зверя. – Будете?

– Давайте уж, – Тея посмотрел на пингвина.

Тот щелкнул клювом. Доктор протер от накопившейся грязи три мензурки из невидимого глазу стекла и разлил.

– Уже дней десять я вижу знамения, предвещающие огромную беду... – провозгласил он и выпил.

После спирта кровь застучала в головах, пародируя барабаны. Услышав тихий стук, колба упала и разбилась. Не доглядел ИИ, не доглядел.

– Я же говорил, – расстроился доктор, – теперь мраморный клоп из левого кармана Онищенко сожрет все абхазские мандарины!

– А что же делать? – оживился пингвин.

– Берите китайские и лепите абхазские ярлыки, – вешал бархатный баритон.

– Отличная бизнес-идея, пошли! – пингвин подхватил Мимино-II и поволол к лифту. – Еще успеем напечатать наклейки, пока конкуренты прочухаются!

– А как же титан? Как же Анна?

– С теми бабками, что ты поднимешь на мандаринах, тебе и без титана любая Анна будет рада.

Рыцарь без страха и упрека, Герой Засеки Утопленников, уничтожитель Семи Подземных Королей, всеобщий любимец и народный герой Сэр Джон, с бранью, которую мы не будем здесь передавать из приличий (и чтобы не заинтересовать наверняка изучающих текст филологов), поскользнулся и грохнулся на собственный зад, учинив такой шум, что эхо от него все еще давало о себе знать, когда он поднялся и высказал все, что думает о тех криворуких умельцах, которым доверили укладывать пол в этом помещении. К своему счастью высказался он на английском и Геннадий Михайлович большую часть текста не понял.

– Чего угодно? – на всякий случай спросил он.

– Тут продается абхазский мандарин? – в руках гостя круглая шляпа, сам он в жилетке и плаще с кроваво-красным подбоем, из рукавов выглядывали манжеты итальянского покроя.

– Это к нам, – выглянул из подсобки пингвин. – Проходите, милейший.

Глазам англа предстала освещенная факелами комната, обставленная разномастной мебелью и украшенная картинами и гобеленами.

– Это мой компаньон Тей Любимый.

– Сэр Джон, – представился Сэр Джон. – Имею намерение купить фьючерс на мандарин.

– Почем возьмете? – обрадовался пока еще неопытный в торговле Тей.

– По десять фунтов.

– Фунт не стабилен, – отрезал пингвин, – продаем только за рубли.

– Рубль по вашему стабильный? – сэр позволил себе приподнять уголок рта в полуулыбке, мол, и чопорные британцы умеют понимать юмор примитивных народов.

– Конечно, стабильный... Это доллар неустойчив – все время прыгает: то шесть, то двадцать четыре, то шестьдесят... А рубль всегда ровно сто копеек стоит...

– Хм, – надменный сэр был сражен железной логикой. – Но у меня нет рублей...

– А мы тут на что? – щелкнул клювом пингвин. – Вы, сэр, клювом не щелкайте, а берите по курсу. Мандарины у нас хорошие, товар качественный, есть сертификат от самого Онищенко, – помахал бумажкой, полчаса назад купленной у Мартина, – без радиации, – поводил над бумажкой гальванометром, – поэтому разумная цена двести восемьдесят рублей за килограмм.

– А в фунтах это сколько? – снизу послышался шорох. Когда отважный Сэр Джон опустил глаза, его охватила мелкая дрожь. На пыльном обитом железом сапоге сидел мышонок и с любопытством смотрел черными глазами-бусинками на его хозяина.

– Видите, у вас уже есть конкурент, – показал пингвин. – Токио Кимота, торговая мышь из Киото. Так что насчет фунтов? Сейчас, – выхватил откуда-то титановый фаллоимитатор и начал гонять по нему шарики, – в рубле сто копеек, в фунте сто пенсов. Пенсы к пенису, пенсы к пенсилу, итого, ого-го. Три рубля кучка, в кучке три штучки... делим на десять... Из Симферополя мужик возил бананы в Геленджик... с вас стопитцот.

– Чего? – ошалел Джон, косясь на конкурента, не сводящего с него черных бусинок.

– Рублей, но рублей у вас нет, поэтому давайте фунты.

– У меня нет столько...

- Выворачивай карманы или уматывай, – начал терять терпение Тей.
- Спокойствие, мой юный друг, – пингвин поднял крыло, – сэр Джон может помимо денег оставить в залог, например, сапоги.
- Мысленно проклиная жадных торгашей, Сэр Джон снял фамильную обувку.
- Крест с пояса тоже снимайте. Это же золото?
- Это фамильный инквизиторский крест, от прабабушки...
- Бизнес есть бизнес, ничего личного.
- Сэр снял крест и вручил жадной птице.
- Куда и когда поставить мандарины? – деловито спросил пингвин, записывая в бывший журнал постояльцев.
- На Рождество по адресу London, 221b Baker Street, m-s Hadson.
- London is the capital of Great Britain, – высказался Тей.
- Yes, – сэр поковылял на выход.
- Мы не спросили, на какое рождество, – хлопнул себя по лбу Тей.
- Какая разница, мандаринов у нас все равно нет.
- Верно.
- И Рождество одно и то же, или ты хочешь сказать, что у католиков и православных разный Бог?
- Мне ближе религия бон. Так что будем с этим британцем делать?
- Тоже мне выискался Джеймс Бонд, пиндос проклятый, – плюнул пингвин, – решил за наш счет «оранжевую» революцию в Абхазии устроить, детей сиротками сделать!
- Джеймс Бонд же англичанин, – не понял Тей, – почему пиндос?
- Англичанин, а снимают про него в Голливуде! Понимать надо геополитические тонкости.
- Хм...
- Будь моя воля, я бы всех их на минус второй этаж в психушку посадил! Они бы мне за жареных цыплят из Кентукки ответили! И заметь, как он дернулся, услышав что мышь из Киото. Мог бы так ногой махнуть, что ее вместе с сапогом унесло, а он стоял как вкопанный. Знаешь, почему?
- Почему?
- Потому, что у пиндосов комплекс за Хиросиму и Нагасаки и тысячи японок, изнасилованных пиндосскими моряками и морпехами.
- У вас есть чему поучиться, – уважительно сказал Геннадий Михайлович, возникая на пороге подсобки. – Нам говорили, что не всякому казино за многолетнюю историю удавалась кого-то реально разуть... Возьмете в долю?
- Почему нет? – вопросом на вопрос ответил пингвин.
- А я? – напомнил о себе Тей.
- Будет у тебя компаньон. Согласен, Геннадий?
- Согласен, – вздохнул Гена, капитулируя перед хваткой птицей. – Что мне делать?
- Учиться, учиться и еще раз учиться. Но сначала назови свою фамилию.
- Зачем?
- Чтобы внести тебя в учредительные документы.
- Ошметкин...
- Ну, нормальная фамилия. Геннадий?..
- Раньше меня звали Ярославом, – потупился будущий крупье. – У меня была красавица жена и четырехлетний сын, когда я вспоминаю их имена, пронзает неопишуемая боль, я пытаюсь стереть их из остатков своей памяти. Я спросил, какая глава в «Пушкине» ей нравится больше всего. Она засмеялась...

– Это все лирика и явление Святого духа всем православным и примкнувшим, – остановил его пингвин. – Мы продаем не мандарины, мы продаем детям надежду на праздник.

– Праздник? – уточнил Тей.

– Нет, надежду на него. Ну, сами посудите, какой праздник из оранжевой кислятины, от которой может пронести? Если только у Короля-Оранжевое лето, но у него денег нет. Так вот, – продолжил вещать пингвин, – ты один не умывался – тут надо не пугать ребенка умывальником с искусственным интеллектом, а понять, почему ребенок не умывается.

– Нет воды? – предположил Ошметкин, лихорадочно конспектирующий в блокноте с лекциями по теории казиноведения.

– Намеки на евреев попрошу оставить при себе, – поднял крыло птиц. – Мамы у него не было. Помните, про маму для мамонтенка и папу для ламантина.

– Умнейшие люди, – согласился Гена.

– Чем мы хуже сирийцев, которые на одиннадцать! – воздел крыло. – Одиннадцать миллионов долларов продают России мандариновую кожуру?

– Правда? – удивился Тей.

– Истинная. Можешь на любом серьезном финансовом ресурсе проверить. Как же россияне могут жить без импортной кожиры?

– Не жизнь, а прозябание, – согласился Гена.

На пороге возник густо заросший волосами расхлябанный молодой человек, от которого ошутимо пованивало перегаром.

– Павел Ёлкин, аким Упырев, для телекомпании «Кузьку как мать», – он ткнул в Гену оранжевым микрофоном. – Тут продается славянский шкаф?

– Чего? – Ошметкин растерянно посмотрел на предводителя мандариноводов.

– Слышь, падло, – пингвин шагнул к репортеришке и вырвал у него из руки микрофон, – это будет твой последний репортаж! Сейчас как засуну тебе в гланды до самого ануса, живо по-другому запоешь, «пятая колонна»! Вали отсюда, мы патриоты своей страны!

– Простите, я не хотел... – попятился Ёлкин.

– Гена, мочи козлов!!! – вскочил Тей и кинулся на оператора, свалив его на пол и нанося удары по голове залоговым сапогом Сэра Джона.

Геннадий Михайлович выхватил бритву и коронным ударом развалил мохнатую мордочку Ёлкина на британский флаг.

– Это был последний сюжет Павла Ёлкина, – сказал в микрофон пингвин и, склонившись над умирающим репортером, словно вантуз в засор вонзил микрофон в горло, прекращая бесполезные хрипы.

Где-то совсем рядом насмешливо, словно питомцы Петросяна, пели цикады.

– Кажется, я становлюсь плохим человеком... – задумчиво сказал Гена.

– Гена, ты становишься патриотом, – пингвин брезгливо вытер кровь убиенного Ёлкина. – Несите мясо в холодильник дока Картмана, – распорядился он, – можем заодно шашлыками и шаурмой начать торговать. Нам бы добрую старушку лет шестидесяти, так озолотились бы, – он проводил алчным взглядом соучастников, утаскивающих тело оператора. – И не вздумайте у него пить, не то время чтобы искать ответы на дне стакана, а то окажетесь в полувегетативном состоянии. Не сыграть ли нам в кошки-мышки? – он посмотрел на Кимоту, усевшегося на столе.

Мышь чихнул, будто унюхав какой-то редкий парфюм.

– Не бойсь, – погладил мышь, – мы же не психопаты какие с Полибии, понимаем, что к чему. Генераторов на грунтовых водах у нас нет, зато мандаринов... тоже нет...

Над входом в подсобку тире офис возник белоснежный голубь, но увидев, что пластика внутри нет, полетел к ближайшему водопроводному люку, где вырвал из рук шестнадцатилетней девочки клеенчатую скатерть, распотрошил ее, оставив девочке: засохший батон, еще одну

булку, бутылку холодного чая и мамин мобильный телефон, а сам поволок добычу к пункту переработки пластика. То был штатный пернатый агент мусорной полиции, разыскивающий своего пропавшего наставника.

– А не спеть ли нам песню Цоя о любви и о войне? – задумчиво сказал пингвин.

– Вперемешку с русскими народными частушками, – подсказал голос от входа.

Человек оказался высоким, лет тридцати пяти. Тёмно-серые брюки, чёрные остроносые туфли, воротник белой рубашки расстегнут на две верхние пуговицы. Он широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы и продемонстрировав отсутствие трех из них.

– Привет! Я ветеран «Дельта Форс». Майор Вихрь.

– А я папа Римский, – зевнул пингвин. – Ты, Вихрь, можешь идти нахрь. Понял?

– Что вы себе позволяете? Я майор КГБ! – возмутился Вихрь.

– Так тебе в Беларусь, болезный, к Батьке, – пингвин снова погладил торгового мыша. – Так чего приперся?

– Понимаете... у меня пицца... я вот хотел...

– Ребят, выкиньте лоха за дверь, – заметив за спиной Вихря подручных, распорядился пингвин.

– Пойдем, – Геннадий ловко поймал Вихря за локоть и вывел, – тут вообще с разносчиками пиццы несчастья случаются, не ходи сюда больше. Понял?

– Понял, – уныло отозвался Вихрь.

– Ну, ступай с Богом, добывай истину у Природы, – Гена сорвал пиджачок, пнул болезного в зад и закрыл дверь.

Вернулся к компаньонам.

– А вдруг он правда из КГБ? – спрашивал Тей.

– Угу, а еще у него послание от товарища Сталина к товарищу Берии, – презрительно щелкнул клювом глава мандаринового синдиката, – лучше бы они пользовались переводными учебниками по маркетингу, чем псевдопатриотической чушью. Патриотизм, он, граждане, должен приносить прибыль, а не так вот... Гена, «лепень» повесь на стул и выносите второго жмура – скоро придут серьезные люди с собаками.

Вскоре они почтили визита высокого и худощавого человека в бежевом прорезиненном пальто. Человек был молод, но седина уже захватила пару локонов его волос. Под мышкой он держал коричневый чемодан, обитый качественной кожей.

– Я из столицы, – парень поправил очки и шмыгнул красным носом.

– Из какой? – Гена смотрел на паренька из-под бровей. – В наше время столиц больно много.

– Из Москвы. Павел Олегович Кожухов, академик. Где здесь ближайшая деревня находится?

– Деревня? – Гена и Тей посмотрели на предводителя.

– Деревня, где в жухлой траве пляшут светлячки. Где коровы сидят на кучке пеньков и опершись на стену дома... Я понимаете, хотел позавтракать, а кот-критик, падла, пакостившая мне с первой встречи, перевернул тарелку и утек... Растрепал всем, что я с Василиской... ну, того...

– За МКАДом ваша деревня, любезный, – ответил пингвин. – Не смеем вас задерживать.

– Так я пойду?

– Идите в свое Кридово, пока не попали на Канатчикову дачу. Гена, проводи гражданина ученого и заberi у него саквояж: «угол» солидный, в деревне гопники все равно отберут.

Гена вывел очередного несостоявшегося покупателя.

– Но когда же придут за мандаринами? – ерзал Любимый. – Мы же всех выгоняем.

– Пиджак и чемодан уже прибарахлили, – пингвин закурил «Беломор», – скоро сделаем из нашего Гены солидного фраера и отправим в банк за кредитом, – достал из кармана пиджака

розовые кубики с буквами на гранях и задумчиво бросил их на пол. – И меньше болтай, Теюшка. Помни, мертвые не рассказывают сказки.

8 серия – Червяк без лица и конец огурца, тайны следствия и звездные бедствия

Легко одолев перегрузки, Этап-II рассек атмосферу, светлой стрелой нырнул в кладовку. В небольшом, не более трех-четырех квадратов, помещении было сумрачно, хотя под потолком, забранная в мелкую сетку, светила красная лампа. Свет её настолько слаб, что лица людей и пингвина нельзя было различить отчетливо.

– Я пришел с миром, – вклинился в разговор мандариновиков Ильгиз.

– Ты кто такой? – пингвин лапой подтянул валявшиеся на полу розовые кубики и прочел: – Ильгиз?

– Ну не Андрей же Белый, – усмехнулся плечистый крепыш со шрамами, обезобразившими широкое, округлённое лицо, и поправил белую футболку с надписью «Этап-II», – и не Олег Пахомов. Я с вами работать хочу, парни. Обузой не буду, боксом занимался, мастера по метанию диска имею, на Играх Мужества второй приз взял в сотом году.

– Староват ты, – с сомнением сказал пингвин и выбросил кубики за дверь.

– По утрам моё лицо мне не к лицу, но я знаю бомжей на всех станциях метро в Москве.

– Вот это уже реальный разговор, – обрадовался мандариновый главарь. – Сумеешь пиджак сбить?

– Этот?

– А хотя бы и этот.

– Как два диска об редиску! Когда?

– Сейчас и бери, – пингвин вручил титулованному метателю пиджак майора Вихря. – Выручку принесешь к вечеру.

– Оки-чпоки, сдам Эрнесту Торквадо, прозванному Шелкопрядом, – Ильгиз схватил тряпье и ушел, сверкнув на спине надписью «Экипаж-II».

– А как же кредит? – вскинулся Тей.

– Чу! – пингвин приложил перо к клюву. – Пойдемте взглянем...

Смотреть было особо не на что, кроме расплывающейся по пуленепробиваемому стеклу двери кровавой кляксы, образованной хилым мозгом спортсмена, вылетевшим из головы под воздействием пули из «СВД».

– Гля, и правда майор из комитета был, Штирлиц сахаринковый, – задумчиво сказал пингвин и вздохнул, будто жалея, что не может стать дельфином. – Как червяк ни копался, а на крючок попался.

– Что делать? – всполошился Гена. – Стоим тут как недокурные окурки!..

– А ничего. Кто у вас тут клирингует?

– Роза...

– Она приберет дурачка и подберет отходы, а мы отопьем глотов из чашки, и будем в компьютерную глубину экрана пялиться и ждать серьезную рыбу...

– Войти можно? – спросил бархатный баритон.

– Крупная рыба? – прошептал Тей.

– Входите, – скорчил Любимому грозную рожу пингвин.

– Я чего пришел, – Эрик Картман помахал извлеченной из кармана белого халата колбой, – вы еще чемодан не вскрывали?

– Нет, а что?

– И не вскрывайте, – доктор поставил колбу на стол, вынул три мензурки и водрузил туда же. – Там технология летающих кофеварок, служащих гиперприводами таймфагов...

– Мы не будем открывать чемодан, – заверил пингвин.

– Надеюсь на вас, – Картман вышел.

– Это же джек-пот! – прошептал Гена. – Мы станем всемогущи!!!

– Гена, а ты не думал, что, когда ты представитель высокоразвитого мира и можешь повелевать теми, кто примитивнее и слабее тебя, – это замечательно. Но что делать, когда появляются те, кто могущественнее тебя и ты оказываешься для них всего лишь приправой к главному блюду?

– Не думал, – виновато вздохнул Гена.

– Так выброси этот чертов таймфаг из головы и займись делом! Не случайно сам Владимир Котельников...

Две красавицы продефилировали рядом с говорившими, бросив на них игривые взгляды. И, хотя собеседники достигли половой зрелости, обсуждаемая ими тема была важнее любых красавиц. Красавицы, плюнув на пол, ушли. Где-то за стеной послышался их визг и шлепки мокрой тряпкой по силиконовым прелестям.

– Я вас отучу харкаться, верблюдихи резиновые!!! – прокричал грубый женский голос и снова все стихло.

– Может выпьем? – поежился Гена.

– Выпьем, – пингвин деловито разлил по мензуркам из смеси осмия и иридия, – за Крым во всем Крыме!

Выпили. Думали каждый о своем, и только Гена – о чужом чемодане, положив свой взгляд под стол.

В двери деликатно постучали, и внутрь заглянула работница ОАО «РЖД»:

– Вас тут только трое? Не возражаете, если в следующей серии мы подселим к вам ещё четверых? Совсем ненадолго, часа на три, не больше, – она непринужденно встряхнула обнаженной грудью.

– О чём вы говорите? – спросил пингвин.

– Нужно разместить больных Омской психиатрической больницы до Куйбышева. У них там, в санатории, по правительственной программе конкурс творчества умалишенных проводить будут... Мы их по всему поезду рассадим. Государственно важное и богоугодное дело, согласитесь...

– Пошла вон! – выкрикнул пингвин и едва не швырнул в нахалку мензуркой. – По какому праву и кто разрешил подселять психов к нормальным людям?

– Я все Якунину расскажу, – пригрозила обиженная проводница и, стуча копытами, исчезла. – Он устроит здесь уборную для инвалидов-колясочников, – донеслось издали.

– Копыта вытирай, черт в юбке!!! – послышался очередной удар мокрой тряпки.

– Там Белозеров давно, – сказал Тей.

– Плацкарты отменить хотели, – поддержал Гена. – Надо было ее заманить и того...

– Что того? – раздраженно спросил пингвин.

– Мозги ей перепрошить, а потом... В атмосферу с тряпкой и Якорем...

– Два дебила – это Сила, три дебила – это Связь, – сказал пингвин. – Где бы нам найти третьего?.. На крайняк, какого-нибудь папу Миранды? Я бы сел на строгую рыбную диету! Год ничего не ел, кроме рыбы, моллюсков, крабов, лобстеров, устриц, креветок, раков и гребешков.

– Вкусно? – спросил Тей.

– Все лучше, чем жрать одни мандарины. Когда питаешься одними мандаринами, то в атмосфере начинает скапливаться и концентрироваться неизвестный газ. Он скапливается с удивительной быстротой.

– Это опасно? – спросил Гена.

– Неприятно, как и дизентерия. Вроде, не смертельно, но людей спасать замучаешься, особенно когда всякие Витьки и Лешки шныряют по полям и перелескам.

Снова помолчали.

«Все зае..., зае..., зае...» – у Гены начал вибрировать мобильник.

– Да, – принял он вызов. – Привет Криспиан. Нет, работаю... А что случилось?.. Поблизости... Хорошо, – он нажал «отбой». – Крисп звонил, люди жалуются, что ресепшен пуст. Я пойду?.. – неловко прихватив чемодан, спросил он.

– Ступай, – отпустил пингвин, – чемодан оставь.

– Я думал, может кофеварку кому загнать...

– Мы с Тэеем разберемся, не переживай. И учти, потеряешь карту «Тройка» – отработаешь на стройке! Потеряешь карту «Мир» – ну, ты понимаешь... куда кефир тебе зальем.

– Понимаю, – Гена не солоно хлебавши ушел на постылый ресепшен.

В офисе несколькими этажами выше Фабиолла незаметно для собравшейся компании скинула туфли на шпильке и вышла на карниз. Поставила рядом стакан с разведенным фруктовым концентратом, целый мешок которого Мартину притащили какие-то беспризорники, изогнула голову к кондиционеру и глубоко вдохнула прохладный воздух. В горле тут же запершило, на языке осел горьковатый привкус, и девушка едва сдержалась, чтобы не закашляться.

– Только небо! – прокричала она. – Только небо!

– Эк ее плющит с концентрата, – сказал Криспиан, – надо бы поменьше разводить.

– Так она спиртом его разводит, – прояснил Мартин, – потому и скосорылилась еще до обеда.

– Бывает, – защитил девушку Фай, – я вот на первом курсе...

– Легенда гласит: «Однажды на Землю опустится царь тьмы и заберет с собой детей солнца, рождённых, чтобы спасти мир от вечного мрака. Он закроет их в своём тёмном царстве, чтобы не дать четырём лучам едва потухшего солнца освещать Землю», – выдал Криспиан и закурил, выпуская дым в сторону пригревшейся на карнизе Фабби.

– И что это значит? – осторожно спросил Фай.

– Да ничего это не значит, как и большинство текстов, просмотренных нами за эти дни, – вмешался Чернокнижник. – Претендуют на значительность и сакральность, а по сути своей...

Фабби подвела к глазам руку и любовалась светом, без проблем текущим из глаз. На миг ей привиделись Миа тринадцати лет в теле совсем обычного ребенка; Дебора, держащая каре по королям, и единственный мальчик девятнадцати лет, сумевший остаться мальчиком после знакомства с Фабиоллой. Она протерла глаза, и видение пропало без следа.

– Белопенные облака вскипают там, над головой, волнами бьются в небесные берега, – задумчиво посмотрела вверх Фабби.

– Хр-р... р-р... – носится над зданием с присвистом, разгоняя в стороны светящуюся мошкарку и светлячков-эмигрантов, – ар-р гыр-р...

– Как мне не хватает красного песка и гавайского Солнца, – поделилась с миром девушка.

– Про гавайскую траву заговорила, – со значением поднял палец Чернокнижник. – Короче, помнишь Рустама? Тот щуплый парень с впалыми щеками и торчащими скулами в спортивном пиджаке и зябком тулупчике?

– Да, – лениво кивнул Крисп. – Он еще ржавый гвоздь с собой носил.

– Нет, – покачал головой Метов.

– Она его в таком состоянии молотком завалила.

– Как?! – не поверил Фай.

– А вот так. Возомнила себя Невестой как у Тарантино, оделась в подвенечное платье, подошла к нему на новогодней весенней ярмарке и молотком в лоб хлоп!!! Он только и успел спросить: «Люб ли я тебе, девица?»

– Ужас просто! – искренне признался Фай и опасливо посмотрел за окно.

– Это что, – Крисп затушил окурок золотой «Явы» и прикурил «Парламент», – я тебе как-нибудь расскажу, как воеводы дочь кузнеца в жертву речным богам в суровые январские морозы принесла – вот где ужас. Или про ботинки-вампиры...

– Трудно быть наладчиком, – сочувственно сказал Мартин, – особенно холодильного оборудования.

– Андроидов налаживать легче, – покивал Криспиан. – Еще и накидки со звездами выдают и средство от гнид.

– Шпалоукладчикам меньше везет, – согласился Фай.

Нежно замурлыкал сигнал вызова. Мартин вдавил кнопку на пульте.

– Слушаю.

– Вас беспокоит Анохин, старший смены службы физической охраны мусорной полиции. В вашем районе пропал наш сотрудник. Вам ничего не известно о его судьбе?

– Проверьте магазины виски. Небось, пропился в дым и теперь платит натурой, – Чернокнижник отключился.

– А может его похитили, привязали к парте, и мучают портретом Пушкина авторства Кипренского? Или заставляют учить допризывников уставу, – ухмыльнулся Крисп, доставая плоскую бутылку КИНовского коньяка. – Будете? – спросил он. – Это клубничный компот, очень вкусный.

– У нас кажется проблема! – Фабби вернулась в комнату, ловко выхватила бутылку с компотом и вышвырнула в окно.

– Ты что делаешь? – вскинулся Крисп.

– Марина допьет, – отмахнулась девушка и, плюхнувшись в свое кресло, задрала длинные ноги на стол.

– В древней Спарте так некрасивых со скалы сбрасывали, – задумчиво сказал Мартин.

– Чего взять с педиков? – отмахнулся Крисп.

Воздух угрожающе замерцал, мелькнул призрак мужика с топором и пропал, взмахнув напоследок плащом.

– Ты аккуратнее с выражениями, – Мартин на всякий случай вывел на свой монитор фотографию девушки в синем бикини, – а то неровен час...

– Ох, уж мне это мелочное тщеславие! – вздохнула Фабиолла. – Не касайся проклятых, очень тебя прошу.

В дверь постучали, и сразу вошел мужчина в черной крылатке и потертых унтах, щёлкающий крышкой бензиновой зажигалки.

– Здравствуйте, это я...

– Почтальон Печкин? – прервал Чернокнижник. – Не похожи, даже если бы на велосипеде были.

– Нет, следователь Андрей Карев к вашим услугам.

– Мы следователя не заказывали, – сказал Крисп. – Фаб, ты заказала?

– Зачем мне такой заморыш? – девушка перекинула ногу на ногу, что в ее положении отдавало акробатикой. – Да еще и с бельмом на левом глазу?

– Сверху не так мерзко, – сказал Карев себе под нос, посмотрев в район короткой юбки. – Наверное, потому что грязи не видно. Пить или не пить – вот в чём в вопрос, – продолжал разговаривать сам с собой следователь. – Хм... забавно. Возможно, мертвец мучился той же дилеммой...

– Мальчики, я не поняла, это он мне хамит?.. – потянулась в ящик стола за молотком.

Фай вздрогнул.

– Брр... ну его на хрен. – Карев поёжился и тряхнул головой. – Я тут по служебной надобности.

– И что же привело в эту юдоль скорби? – светским тоном спросил Мартин, зажав руку Фабиоллы ящиком.

– У шамана три руки, – следовательно закрыл за собой дверь, и прошел к столу, расположенному у стены. Присев, он выложил шуршащий пакет с махоркой, – и крыло из-за плеча. От дыхания его разгорается свеча...

– Все это интересно, – взял беседу в свои руки Криспиан, – но мы тут при чем?

– А вы при том, что в этом районе пропал федеральный служащий...

– Федераст? – девушка прекратила вырываться и позволила Мартину забрать молоток.

– Не совсем...

– Федепаст?

– Нет...

– Педерал? – предположил Чернокнижник.

– И снова нет.

– Может, хватит нас интриговать? – прервал Крисп. – Мы тут, вообще-то, работаем.

– Пропал сотрудник спецподразделения мусорной полиции.

– А мы тут при чем?

– Шаман, который барыжит отвар из носков, – понизил голос Карев, – сказал, что дело в вашем небоскребе...

– Шаман? – подал голос Фай.

– Их сила издревле передавалась от матери к дочери, через волшебные талисманы, белые накладки и рога на лбу...

– Все понятно, – Крисп надавил кнопку на селекторе. – Гена, привет. Ты работаешь? То и случилось, что всякие психи шлятся. Ты далеко? Так займи рабочее место. Видишь как это, – подмигнул он Фаю, – нелинейное развитие сюжета. Марти, отдай госпоже Фабиолле рабочий инструмент.

Чернокнижник открыл ящик, девушка подхватила молоток.

– Фай, если хочешь, выйди, – мелькнув белыми трусиками, она привела ноги в нормальное положение и встала.

– Я побуду... надо привыкать...

– Хозяин-барин, как говорит мой смартфон, – она тряхнула челкой, колыхнулась грудью и двинулась к следователю.

– Но Звёзды, несмотря на всё это, тоже были людьми. И чтобы уметь пользоваться таким наследством, надо было долго учиться. Иначе это могло повести к необратимым последствиям... – бормотал тот, не замечая опасности. – Вы не дооцениваете возможные последствия! – взвизгнул он.

Фаю в лицо брызнул теплый томатный сок. Он облизнул губы, глядя на упавшего. Не сок – кровь...

– В окно? – Фабби оглянулась на Криспа.

– Не стоит: тут где-то шныряет голубь-мусорщик. Лучше отнесем к доку Картману в холодильник. Бери, Марти, – они подняли труп и унесли.

– Прибери кровь, – велела Фабиолла, подходя к окну.

– Сама намусорила, сама и убирай, – огрызнулся Фай.

– Как я могу в такой короткой юбке убирать? Вдруг кто зайдет? Что о нас люди подумают? Ролевая игра на рабочем месте?

– Хм... – Фай посмотрел на едва прикрытые зеленым платицем стройные ноги, невольно признавая правоту собеседницы, – ладно, приберу.

– Вот и ладненько.

В дверь заглянул смысленный тринадцатилетний паренек с кипой газет.

– Сэр, возьмите газеты, они хорошо впитывают кровь. Чаевых не надо, – всучив Фаю газеты, он убежал.

– Этот мальчик беспокоит меня всерьез...

– Не обращай внимания: это Ченс, сынишка Рори Мак-Элроя, – объяснила Фабби. – Собирает себе на комп и разносит газеты. Ты на пол их кинь, пускай впитывают.

Мужчина последовал совету опытной коллеги и положил сумку с газетами на сероватый пол.

– ...антиандроидными взглядами, – завершил фразу Криспиан, входя вслед за Черно-книжником.

– Что это: провокация или запланированное убийство? – Мартин нацедил себе водички из кулера.

– Из-за простого «мусора» так бы никто копать не стал, – вклинилась Фабби, – тут с вероятностью 12,7% что-то другое... Тот джобовский выползень, самодовольный урод, представлял из себя прокурорского, но кто он?

– Ксива прокуратуры, – Мартин бросил на стол красную книжечку.

– Это ничего не доказывает: я хорошо это чувствую своей недетской интуицией, – взвизгив вокруг ножек зеленый вихрь, Фабби снова шлепнулась в кресло, но ноги на этот раз (к большому сожалению Фая) задирать не стала.

– Тебе сувенир, – Крисп протянул девушке «светляка» – небольшой химический светильник. – Непромокаемый, не зависящий от батареек и пожаробезопасный. В кармане у следака был.

– Трофей, – Фаб бросила подарок в стол. – Салатового света, как раз в моем вкусе. Спасибо.

– А это от меня, – Мартин протянул зажигалку. – Такие в магазинах уже не продаются, только в лавках старьевщиков. Бензиновая. Раритет. С обеих сторон выгравированы буквы «ZD».

– Спасибо, Блекбук.

Разговор как-то сам собой заглох.

Раздался неловкий звук флейты.

– Словно кошка играет, – не выдержал Фай.

– Все может быть, – таинственно улыбнулся Крисп. – В мокрой траве у заброшенных колодцев чего только не найдешь...

– Некоторые даже пригоршни глаз там находят, – буркнул Мартин. – Видимо, черная икра нынче дорого стоит...

– Зато в маркете напротив колбаса есть по 159 рублей, куриная, – высказался Криспиан.

– Это в каком? – спросил Фай. Зарплаты на новой работе еще ни разу не дали, а кушать хотелось почти так же, как соблазнить Фабиоллу.

– В «ПолуШестерочке». Знаешь?

– Угу, – Фая передернуло. Позавчера он купил там копченого терпуга, а тот оказался пересоленным плешивым монахом с лапами.

«Приключился как-то странный инцидент, потеряла паспорт девочка – студент» – заголовил мобильник Черно-книжника. – «Утром из кармана доставала KENT, и случайно выпал важный документ. Как теперь докажет: где она живёт? Пьяный мусор каждый в КПЗ запрёт»⁶

– Ответь, – велел Криспиан. – Дядя Фрэнсис Верещагин из города Снежки опять звонит...

Черно-книжник нехотя поднес мобильник к уху:

---

⁶ Песня «Инцидент» группы Distemper

– Нет. Нет. Нет! Не вздумай!!! Да замени ты этот чертов паспорт!!! Сам пошел! Связь прервалась, – объяснил Мартин, постукивая клавишами телефона.

– Что на этот раз? – поинтересовался Крисп. – Пришли снять показания с электросчетчика? Принесли пенсию не теми купюрами? Воду в кране отравила израильская военщина? Взносы на капремонт? Мистическая история про полости в яблонях? Зловещий ученый из Лондона тайно выпустил семнадцать порций «Магги» в глубокий космос? Что в этот раз?

– Пришли заменить паспорт гражданина СССР. Засел в доме и отстреливается из пневматического пистолета стальными шариками.

– Совсем тронулся старик с тех пор, как его кореша Джеки Райота рак прибрал, после того, как два пальца оторвало и другой собутыльник – тромбонщик Вадим Михайлович в дурку из-за марсианской белой горячки попал.

– Да, а ведь когда-то дядя смазчиком глаз у японского робота-шлифовщика работал, – вздохнул Мартин. – Фрэнк «Тосол» его звали...

– Пёрло, уставшие земной стези, – выругалась девушка. – После нашей встречи в библиотеке твой дядя сильно изменился...

– А как он должен был отреагировать, встретив в три часа ночи в библиотеке девушку, одетую лишь в сиреневый лифчик и коричневые босоножки? – резко спросил Мартин.

– И с топором, – усмехнулся Криспиан. – Вот старый мизантроп и стал после этого вести себя как марсианин... Жрать один горох, потому что земные белки ему нельзя, и стрелять по прохожим шариками от подшипников, на Фабкино фото из читательского билета по десять раз в день смотрит...

– Пить нужно меньше! – отрезала девушка.

– Он почти не пьет: не то печень, не то что-то там такое, что вместо печени, – объяснил Чернокнижник.

– Зато он собаку в роли будильника юзает! – вскинулась Фабиолла. – Если бы старая дура Можга не ошиблась, то он бы не поперся под утро в библиотеку. Уж я настроила внутренние инструменты: мурлыкала, шептала, говорила нараспев, как чудовище в графском склепе... и вот итог!

– Можгу машина сбила первого апреля, – сказал Мартин.

– Что толку? – всплеснула руками Фабби. – Он же из двух коробок и морской свинки Санни робота сделал. Мышоночком его называет. Когда никто не видит, посасывает кончик хвоста. Но не сильно.

Все снова замолчали.

– Сейчас бы чикельдак⁷ заточить, – мечтательно сказал Крисп. – От него становишься настоящим джигитом!

Желудок Фая голодно заурчал.

---

⁷ Чикельдак (тат.) – жареные кусочки теста.

9 серия – Фрагментарно, Ватсон!

– Я схожу с ума или все так и есть? – уточнил Фай.

– Что есть? – Мартин открыл дверцу микроволновки, и его тут же окатило облаком сажи. Внутри что-то слегка дымилось, и оттуда доносилось режущее ухо потрескивание. – Накрылся твой чикельдак, Крисп, придется опять пиццу заказывать...

– К нам скоро ни один развозчик пиццы не приедет, – Крисп достал из холодильника бутылку минералки. – У них здесь смертность стопроцентная. Фай, воду будешь?

– Нет.

– Напрасно, такую сам Гитлер пил.

– Высокий, светловолосый, голубоглазый... – вздохнула Фабиолла. – К тому же настоящий джентльмен и мастер на все руки. Ребят, где мне оторвать такого?

В дверь постучали. Она распахнулась, снеся со стола Криспа потоком воздуха крышку от минералки. Вошел джентльмен в запыленном макинтоше. На груди болтался бейджик «Психолог Усович Петр Иванович».

– Здравствуйте, детишки, – сказал психолог. – Не желаете рассказать свои сны?

– Петр Иванович, – Фабби эротично облизнула губки, – а эротические сны вы толкуете?

– Разумеется, маленькая плутовка, – психолог откинул со лба прядь черных волос. –

В психоанализе то, что вы испытываете, называется методом компенсации: мы бессознательно стараемся дополнить жизнь тем, чего нам не хватает.

– Думаете, ей не хватает? – подал голос Фай.

– У меня есть решение – проводник по снам или разделяющий тишину, – Петр Иванович достал коробочку, открыл, поднял с красного бархата золотую финтифлюшку. – Нет эмоций, нет агрессии. Для всех наступает новая эра, где будет царить добро и порядок. Гармония и идиллия... И кстати, молодые люди, есть проверенное средство от простатита...

– Мальчики, гоните его в шею, – выдохнула Фабиолла, – это извращенец Мориарти, я его узнала. Он нижнее белье у меня с балкона спиннингом воровал!

– Вот до чего перестройка довела! – всплеснул руками Криспиан, подавая знак Метову. – Вот вам и ускорение, перестройка, гласность, вот и от консенсуса уши. Фай, мочи козла!!!

– Feuer⁸! – взревел Фай, нанося левой ногой удар в ухо фетишиста.

Психолог как подрубленный рухнул на газеты, пропитанные кровью следователя.

– Здоров ты ногами махать, – поаплодировал Крисп. – Не убил?

– Нет, – Фай присел и потрогал сонную артерию, – живой.

– Мочить будем? – спросил Мартин и зевнул. – В холодильниках уже места нет...

– Будем вербовать, – решил Крисп. – Забросим придурка в Калининград, пускай просочившихся европейских извращенцев притягивает.

В офисе запахло земляникой.

– *Сорви себе стебель дикий*

И ягоду ему вслед, —

Кладбищенской земляники

Крупнее и слаще нет, – продекламировала Фабиолла и сладко потянулась, вздымая подолом платья золотистые пылинки.

Глядя на прелестные изгибы груди, натянувшие платье, Фай забыл про полутруп под ногами.

В дверь стремительно вошел высокий худощавый человек в темном плаще, кепке с двумя козырьками и с трубкой для курения табака в руке. Под мышкой он держал трость.

---

⁸ Огонь! (нем.)

– Так, так, так! – вскричал он, пронзая все взглядом. – Элементарно, молодой человек! Вы Фай, а это – Мориарти, независимый изобретатель – грабитель, создатель объегорьлохахолдингов! Доигрался, подонок!

– Но как вы догадались? – пораженный Фай забыл про прелести Фабиоллы и устался на вошедшего.

– Элементарно, – пришелец раскурил трубку, пыхнув сладковатым дымом, вовсе не похожим на табак, – по вашему крику я понял ваше имя, а этого гнусного типа я преследую много лет после ограбления выставки нижнего белья в Милане. Я было настиг его в Дублине, но он успел вовремя обуздать собственный порыв страстей. Потом, в 199X году, он возглавил синдикат бутлегеров и, подставив подельников Труса, Балбеса и Бывалого, мир их праху, выскользнул сухим из самогона. Но вот теперь-то мы поохочем! – гость извлек из трости длинное тонкое лезвие и начал легонько щекотать острием ребра лежащего. – Сейчас ты мне элементарно ответишь за смерть Ватсона, падла!

– Стоп, стоп, стоп, – Крисп снова похлопал в ладоши. – Сэр, не надо убивать негодяя.

– Да, я вижу: трупов в этом офисе было немало.

– Но как вы догадались? – не мог прийти в себя Фай.

– Элементарно, юноша, – пришелец поправил кепку, – газеты в крови, запах крови, молоко в мозгах и с прилипшими волосами на столе. Кстати, – он выхватил откуда-то лупу и склонился над молотком, – если зрение не изменяет мне, то это волосы чернильной душонки – следователя!

Крисп начал делать знаки, Фай сделал тихий шажок, примериваясь к затылку гостя.

– Не советую, юноша, я владею боксом, – не поднимая головы, сказал тот. – К тому же, у меня трость и револьвер...

– Но как вы?..

– Я владею лабораторией с новейшими технологическими инновациями. Вы не читали мою работу о тепловых рецепторах на кончиках ушей сыщиков?

– Вы сыщик?

– Сыщик – консультант к вашим услугам.

– Каких кончиках?

– Кончики дело интимное... К тому же я разрабатывал технологию по восстановлению личности.

– Хватит, – прервал Крисп. – Сэр, у меня есть то, что вам нужно.

– Если это опиум, то я вам благодарен, сэр. Я – часть той силы, что вечно хочет зла, но совершает благо, особенно когда мне это ничего не стоит. Или, – он сдвинул кепку и почесал затылок, – я часть той силы, что вечно хочет блага, но совершает зло. Хм, забыл.

– Опиат начнёт необратимо угнетать рост нервных клеток. Последует деградация тканей мозга.

– Моему мозгу необходима нагрузка! Дайте мне ее!

– Спрячьте свою зубочистку, забирайте эту ничтожную личность и ступайте вниз. Там в кладовке сидит пингвин.

– Это кличка? – спросил сыщик и, взяв с молотка кусочек мозга, задумчиво пожевал его.

– Нет, пингвин – это состояние души. Он торгует мандаринами.

– Элементарно: мандарины – Китай – опиум! – вскинулся сыщик-консультант. – Благодарю вас, сэр! Новое приключение с непонятным незнакомцем. Фай, вы не отнесете Мориарти в мой кэб?

– Конечно, – козырнул Фай, уловив поощряющий кивок Криспиана.

– Кстати, учтите, – он пожевал еще кусочек мозга, – люди обычно сохраняют воспоминания о знакомых в глубинах нейронов мозга, и если мозг мертвеца сохраняется в достаточно хорошем состоянии, то можно наложить ваши воспоминания вместе с реконструированной

работой мозга убитого, какой находится в растворе полным специальных добавок под электрическим напряжением, и сложить образ, который будет в вашем мозге.

– Короче, Склифасовский! – не выдержала девушка.

– Фрагментарно, Хадсон! Короче, леди, помойте молоток и сожгите газеты, иначе даже Скотленд-Ярд или миссис Марпл поймут, что тут произошло убийство. Ладно, мне пора, – он приподнял кепку, – разрешите откланяться, – одолев отдышку старых лёгких и поигрывая тростью, вновь начиненной стальным жалом, скрылся за дверью, бормоча:

– Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что...

– Дело говорит, – задумчиво сказал Криспиан. – Что-то мы расслабились, надо Розу-принцессу звать. И еще... – нажал клавишу на пульте, – Гена, предупреди поделщиков, что сейчас к ним спустится очень неприятный тип вроде Юрия Грымова. Да, будешь должен, – он прервал связь и посмотрел на девушку. – Мой офис – моя крепость?

– Я не боюсь. Не боюсь. Бояться нечего, – вполголоса бормотала она, поглаживая себя левой рукой по затылку.

Сердце Фая билось куда громче ее шепота, а в уши будто вставили плотные комки из ваты, и оттого тревога только усиливалась, совсем как в детстве, после кошмара с зубастым зайцем, оказавшимся шоколадным и попытавшимся изнасиловать его. Хотелось кричать и рыдать, биться в истерике, задохнуться от астмы.

– Мальчик мой, надеюсь, ты не собрался нести тело в кэб? – Криспиан обратился к Фаю.

– А что?

– Ничего, если не желаешь заурядных проблем вроде потери работы. На дворе XXI век, какие кэбы?!!

– Да, – Фай потер лоб, – что-то я тормознул... – медленно паника отступала.

– Ты если что, не молчи, – тепло сказал Криспиан, – я все-таки твой куратор.

– В общем, о такой перспективе, как свободный труд, я и не задумывался, – признался Фай.

Из шкафа вышел сутулый худощавый тип с запавшими глазами мертвой селедки, залысинами, крупным носом и слабо развитым заострённым подбородком. Из карманов старого свитера торпорщились листочки туалетной бумаги с тестом Роршаха. В правой руке покачивались торт «Рыжик» и лимонно-желтый зонт. На левой руке – часы с коричневым кожаным ремешком. Брюки со стрелками и лакированные туфли с покушением на моду. Галстук – чёрный, один для любого случая: похороны, свадьба, встреча выпускников, собеседование с геями.

– Меня зовут Иосиф Горцевич, я ваш новый психиатр. В смысле не ваш, а... – он повернул голову в сторону двери.

– Вы живете в шкафу? – изумился Фай.

– Так себе домик, почти хижина, на взгляд горожанина, – небрежно махнул зонтиком психиатр. – А скажите, как лучше написать: похороны или погребение? – мелко захихикал. – Или кормить червей в деревянной коробке? Хи-хи-хи. Если что, обращайтесь, а меня ждет кэб, – вышел за дверь, напевая:

– Проктологу никто не пишет, у-у-у-у. Проктолога никто не ждет...

– Вот тебе бабушка и Pokemon Go, – вытер со лба холодный пот Фай.

– Твою ж мать, я переспала с марсианином! – сказала Фабби.

Все уставились на нее.

– Ты с дуба рухнула, подруга? – обрел дар речи Мартин.

– Это не с Вадима Михайловича марсианином ты согрешила, дочь моя? – прищурился Криспиан.

– Он перед сексом весь свет в библиотеке выключил. И даже не снял носки и джемпер.

– Вас кто-нибудь видел? – спросил Фай и сам себе удивился. Какое это имеет значение?

– Дядя Фрэнсис и видел, – повинилась девушка.

– Вы предохранялись? – не унимался Фай.

Ужасно глупый вопрос, но с другой стороны, если дала тромбонисту, которому мерещатся марсианине, то и у Фая есть шансы.

– Ты в своем уме? – возмутилась Фабиолла.

– Ну... – мужчина беспомощно развел руками.

– Интересно, в чем он уме? – подмигнул начитанный Мартин.

Запахло керосином,

– Черный, чувствуешь запах? – потянул носом Крисп.

– Уже давно почуял. Я эту вонь на всю жизнь запомнил ещё с прошлого раза.

Из окна выглянул крупный рыжий кот. В одной его лапе был зажат примус, в другой крестообразная отвертка. За ухом торчал замусоленный красный карандаш.

– Никого не трогаю, – обиженно пронудел кот, – сижу, починая примус, критикую кого ни попадя.

– Только котов-критиков нам для полного счастья тут не хватало, – вздохнул Чернокнижник, рассматривая чашку с кофе, узор из корицы на котором изогнулся в зловещую ухмылку.

– Я просила эспрессо, а не капучино, – девушка выхватила у него чашку. – Я еще на работу ехала и думала: ну причем здесь кот? – кивнула Фабиолла на хвостатого гостя.

– Я и шить могу, – начал загибать когти кот, – и вышиваю иногда по тюлю, и на машинке... примусы починая умею, бомбы со вспышкой делать, заборы воровать и поросятами торговать... Яичницу еще умею жарить на сковородке...

– Это все? – Криспиан отложил карандаш и скептически посмотрел на кота.

– А еще я пишу, – смутился кот.

– И что вы пишете? – зевнул Мартин.

– Все, кроме стихов и доносов... – горячо заверил кот.

– А пьесы пишете? – спросила девушка.

– Пьесы? – кот прищурил правый глаз, став похожим на пирата. – Пьесу да, написал...

– И как она?

– Проживу семьсот лет, а не напишу больше ни одной пьесы!

– Писать любой кот может, – сказал Криспиан, – шитье нам тоже без надобности.

– А может, и я на что сгожусь? Могу за харчи работать... бутерброды там, с колбасой...

Яблоки, чеснок, лесные травы, мёд, отвар из лесных ягод...

– Играете на фортепиано?

– Нет, – отрезал кот, – и на арфе и лютне нет, в хоккей и футбол тоже не играю. Могу только на бубне сыграть.

– Шаманы нам не нужны. Вот вы способны поймать большого белого волка?

– Вы что, совсем того? – кот покрутил у виска. – Волк и укусить может, понимать надо.

А если сам не укусит, то какой-нибудь Иван-царевич претензию за поседевший транспорт выставит.

– Хорошо, придите через неделю. Посмотрим, что можно для вас сделать.

– Простите, вы не подскажете, какое сегодня число?

– Одиннадцатое.

– Спасибо, – кот начал таять в воздухе.

– Это же тот кот, который про Василиску растрепал! – осенило Фая.

– Пускай скажет спасибо, что только про Василиску, а не про Василия, – кот пропал, а зловещая ухмылка так и повисла возле окна.

– Дела-а-а, – протянул Мартин.

– Всё, шоу окончено, – Фабби стояла, недовольно сцепив руки на груди. – У меня стойкая идиосинкразия к котам, особенно к котам в инстаграмме... От самого зачатия моя жизнь была

тесно связана со смертью, как плетеная булка. Отец мечтал назвать меня Мия, но мама была против, и я стала жить с новым именем и даже предназначением. А ещё я не люблю «Звёздные войны», – добавила девушка и отвернулась.

– Фай, коли взялся носить тело, то доведи дело до конца, – велел Крисп.

– Но кэба же нет, – растерялся Фай.

– Выброси придурка в окно, все равно такую гнусь никто в здравом уме вербовать не станет. Мартин, отбей шифровку в Центр, Хомскому: под кожей пациента пин-код, заходил кот, вербовать пациента не вижу смысла, в пин-коде иррациональные числа.

– Передам, – кивнул Чернокнижник и застучал телеграфным ключом.

– Фай, а ты не тани.

Метов вздохнул, поднял, как мешок с картошкой, Мориарти, подошел к окну, вздохнул, будто собираясь нырять на глубину и швырнул, словно в бездну.

– Вот и молодец, – Фабби ласково погладила его по щеке. – Сделал мир чуточку чище, – лучи солнца скользнули по крышам высоток. – Но я кое-что припасла для тебя. Подожди-ка минутку, – девушка извлекла из-под стола два тяжелых пакета. – Тушенка, спички, несколько зажигалок, вода в бутылках.

– Спасибо. Век не забуду, – поблагодарил он.

– Посмотри, – Фабби развернула его к окну, – как вдали, почти на краю города, возвышается несравненная красавица – башня «Феникс». В ней всего тридцать два этажа, но какая горделивая стройность, какая белоснежная облицовка, какой загадочный блеск тонированных стёкол!

– Да, – вздохнул Фай, – красотища.

– Почти как штрих-код на лбу, – согласился Мартин.

Все молча любовались на город, который об этом совершенно не подозревал.

10 серия – Рожая кровь, сжигают любовь жар-птица из ближней заграницы и черная сфера в груди эсера

Субботнее утро проходило как обычно.

– Смотрю на очертания стен Теночтитланабанана, и думаю – жарок ноябрь в этих широтах, примятых нашими бывальными каблуками, – сказал мужчина в скромном сером кафтане и маске ягуара, с аркебузой в руках, наведенной на неизменную старушку с кипой газет и журналов. – Но тебе, старая перечница, все это не поможет, не будь я благородный дон Винценцо Бальдаччи!

– Возьми «Федеральные новости», милок, – прошамкала старуха. – Все равно помрешь, а так хоть бабушке приятное успеешь сделать.

– Будь я инквизитором, сделал бы тебе приятное, старая ведьма!

– А будь ты Галилеем, я бы тебе дровишек тоже не пожалела, – плюнула мужчине под ноги бабка. – Будешь много выступать, Федору пожалуюсь!

– Знавал я одного Федора – так себе царь... Это потом, а вот сейчас... Неторопливость и блаженство домашнего времяпрепровождения очень быстро вошли в привычку, поэтому в последнее время он выбирается на улицу только в случаях крайней необходимости.

– Зато у него брат недавно откинулся, младшенький... С горцами дружит, живо тебе инстаграмм в твиттер засунут и фолловерами провернут.

– Да ладно, – мужчина убрал аркебузу, – погорячился, с кем не бывает. У меня умер старый бигль по кличке Синатра, вот и бросаюсь на всех.

– Сам ты уже как собака стал, – старуха стала похожей на Вангу, – того и гляди Доцент тебя бритвой по горлу и в колодец.

– Чур меня! – аркебузир, хромая, шарахнулся к загаженной голубями и голубыми скамейке.

– И не называй меня бабкой, гангстодон! – неслось ему вслед. – Я на пять лет Надьки Бабиной моложе! – несмотря на будний день, она была одета празднично: вышитая синей нитью сорочка, полосатая длинная юбка, безрукавка с орнаментом, башмаки с пряжками. А причудливо повязанный красный платок красиво оттенял распущенные волосы, бывшие смоляными лет тридцать тому как.

Дон поспешно развернул газету, отгораживаясь словно экраном. После этого его не стало видно. Под газетой появились маленькие кроссовки. Мужчина опасливо выглянул. Девочка совсем, лет пятнадцать. Интересная девчонка. Стройная, как молодой тополек, светленькая, груди немного раскосые, как у парфянской рыси. Юная порочная рысь. На глазах слезы.

– Девочка, кто тебя обидел?

– Дядь, в рожу хочешь? – а голосок-то звонкий, девчачий.

– Чего? – опешил мужик.

– Сигарета есть?

– Нет, – потух мужчина.

– А червонец?

– Вот, только газета...

– Сверни ее в трубочку и вставь себе под кафтан, – девчонка вскочила на скейт и, повилая тугими драными шортами, покатила к памятнику Ленину.

Тонкая шея, сквозь легкую ткань – острые лопатки, сквозь рваную джинсу – налитые ягодички. Гибкая фигура, в которой есть нечто хищное и в то же время притягательное. Хотя чувствовалось, что надев наушники, вполне может стать похожей на мальчика. Возле памятника в темных очках стоял, не произнеся ни слова, Клим – бывший водитель префекта, ныне хозяин

ньюфаундленда. Он (водитель, а не ньюфаундленд) тронулся умом еще в далеком 2008 году. Осень запаздывала. По лестнице спустился огромный негр, снизу голый до пояса, с литой тыквой в руке.

– Предрожденный Банга!.. – томным голосом произнес и оскалился негр, ловко хлопнув девушку по попке.

Та полыхнула похотью, осыпавшись кучкой пепла. Скейт по инерции врезался в ногу водителя. Смерть популяции полинезийских жаб запустила цепочку причинно-следственных связей с результатом в Антарктиде.

– Слышь, чудо, – подошла торговка газетами, – у Бабкиной Гор есть, а я чем хуже? – сложив пухлые руки поверх необъятной груди, она нараспев произнесла, – кое-что на газетах скопила, тоже могу стать светской львицей. Матреной меня звать. Пойдешь ко мне в жгло?

– В жигало?

– А без разницы, как здоровья хватит.

– У меня три условия. Первое. Тысячу золотых монет! На всякий случай. Второе – ящик сгущенки. Такие синие баночки. Третье....

– Можешь не продолжать, – неудавшаяся светская львица плюнула ему под ноги. – От мертвого осла тебе суши! Пойду вон лучше Клима-шофера найму – еще крепкий мужик, вон как бане парится с волкодавом своим, или Шоколадного зайца этого. У него, небось, стоит как баобаб на светлых баб. Глянь, какое дубье болтается без дела, без траектории на закат.

Милдред ехала в электричке уже добрых полчаса. Обнимала небольшой чемодан, поместившийся на коленках. Стоило ей ненадолго засмотреться на человека, казалось, будто синее небо над бескрайней пустыней в Египте или же глубокое Байкальское озеро, что было синее синего и глубже глубокого застыло в глазах юной девушки и сфокусировалось именно на вас. Сова сама подошла к девушке и ухватила за краешек платья, и потянула вперед. Милдред ничего не оставалось, как только пойти за совой. Пройдя несколько безлюдных улиц, они остановились на еще одной крохотной площади перед памятником Ленину с водителем, собакой, негром, старухой-газетнопроцентщицей и муфлоном в сером кафтане.

Старуха вертелась вокруг негра, издавая разные звуки: либо «чпок» – как будто что-то прилипло куда-то и от этого оторвалось, либо «шыр-р-р-р», будто бы листва деревьев шелестела.

– Я – Озерул, хранитель этих мест, оракул, проводник советов адептов и мудрец, – поправил очки экс-водитель. – Я являюсь в очень редких случаях, – поддернул теплые порты. – Теперь пошли, – скомандовал он.

– Пошел ты на ...! – выполнила команду девушка.

Ньюфаундленд обиженно тявкнул и потянул хозяина в указанном направлении, иногда нежно касаясь лица Клима. Эти прикосновения вызывали в нем (ньюфаундленде, а не Климе) легкую грусть и упрямые подальше воспоминания. Клим, воровато оглядевшись, сквозь чуть траченный молью свитер с натугой растер ноющую поясницу и с тоской посмотрел на памятник.

– Что, старый, смотришь в чащобу? Тянет, как волка? – певуче спросила Милдред. – Иди, куда велено, не оглядывайся тут!

Клим обреченно вздохнул, понурил плечи, – ну вот, зрение подводить стало, и скрылся за углом.

– Слышь, «снежок», – Милдред вытащила из чемодана белую тряпку. – Зацени, йойо, рэперский балахон. Таких во всем мире осталось парочка, да и то, где-то в Будапеште, и на Мальдивах – у Томати на хазе, всяческого ему за это сопутствия.

– Мне... червей накопать, – пролепетал, попятившись негр.

– Что ты за ниггер, если у тебя нет балахона? – достала зеленую бутылку с вонючей жижей желтоватого цвета. – Приколись, от самого дядюшки Тома пойло! Такой улет, как будто полет!

– Где твои крылья, которые нравились мне? – пропела Матрена. – Слышь-кось, девка, это мой буйвол, и я его доить буду. Всосала?

– Чем ты его доить будешь, старая? – презрительно усмехнулась Милдред и уставилась на соперницу наглыми синими глазами.

– У меня еще все зубы целы! Я еще и ублажить могу!

– Блажить ты только можешь, Шапокляк засушенная, Яровая в цвету!

– Сука! – коротко ответила газетчица и подло, как и все газетчики, ударила девушку скейтом, завернутым в газету. – Вот что слово печатное делает! – подняла бутылку и добила Милдред ударом в голову, а затем выругалась, ну совершенно, непечатно. – Джим, ко мне! – скомандовала она.

– Да, massa, – негр покорно приблизился к повелительнице.

– Дай, Джим, на счастье лапу мне, пока фонарь горит в моем окне, – чиркнула спичкой. – Пока мой кофе не совсем готов, – бросила на тело, облитое жижей из разбившейся бутылки. – Пока соседи вызовут ментов, – жижа полыхнула синеватым пламенем, похожим по цвету на глаза горящей. – Дай, Джим... – подхватив Джима, пошла в сторону, куда ушел Клим с псом. – Дай, Джим, на счастье лапу мне, все времена остались в стороне, – скрылись за углом.

Забывший всеми дон Винценцо, морща нос, смотрел на чадающее пламя.

– Странно, первая вертихвостка мигом сгорела, а эта коптит, – задумчиво сказал он. Нашупал у себя за ухом экстренную точку и нажал.

Приятный вечер в уютной компании анонимных игроманов завершался для Миши Наганчика не очень удачно. Под столом было тесно, перед лицом холодцом трепыхались груди декольтированной брюнетки в обтягивающем платье цвета боливийской фуксии; в его пухлую, покрытую розовым румянцем, гладковыбритую щеку упиралось что-то неприятно пахнущее от соседа справа – Миша подозревал, что это явно не дуло пистолета. Мише стало дурно от криков и грохота, стонов и всхлипов, запаха страха, исходящего плотно прижатыми друг к другу телами, но самое главное, от этого колыхания перед носом. Чудовище ухватило Мишу трехпалой лапой за лацкан пиджака и многофаланговыми пальцами выволокло на середину комнаты.

– Что, чудило, продул? – монстр откровенно потешался над побелевшим от ужаса игроком. – Какое ухо не жалко? – крикнул в левое ухо, словно глухому старичку.

– Не имеете права, – жалко пролепетал Миша. – Я польский подданный! – он лихорадочно пытался нащупать экстренную точку, но попадал только по эрогенным, что не укрылось от внимания чудовища. – Йозеф Ковальчик... Не имеете, говорю, права, у меня тромбофлебит...

– Э-э-э, дарагой, так ты из этих? – чудовище отпустило незадачливого шулера в порнопокер и брезгливо вытерло лапу о свой безупречно пошитый пиджак. – Предупреждать надо, понимаешь! – шмыгнул носом и обжег Мишу взглядом своих черных глаз-пуговиц

– Это есть международный скандал, – красный как рак, но радостный от того, что все-таки успел, он шумно дышал. – Верните мои деньги и отпустите меня!

– Может, еще и до посольства подвезти? – насмешливо щелкнули многофаланговые пальцы.

– Неплохо бы, – не смог совладать с врожденной наглостью Миша – тщедушный, суетливый человечек, с непропорционально большой головой.

– Скорый поезд номер шестьдесят девять «Адлер-Москва» отходит с пятого пути, – чудовище изобразило носом гудок тепловоза. – Еще успеешь! – развернув порношулера к себе спи-

ной, резким могучим движением влепило в зад мощный пинок, выбросивший его через окно на площадь Ленина.

– Серийные маньяки-каннибалы среди нас, – встал навстречу дон Винценцо, норовя обнять, но заметив эрекцию, не рискнул.

Судорожно вдохнув, Миша резко сел на лавку, зашипел от боли в травмированном копчике, пугливо погрозил кулачком окну, откуда вылетел, и надписи «Старшая школа Касл-Рок» на билборде.

– Гранаты у него не той системы, – пояснил он.

Он вдруг почувствовал, как к горлу прилила тошнота, и сполз со скамейки. Кое-как поднялся на ноги. Задница болела так, будто вот-вот должна была расколоться надвое как гнилой орех.

– И главное, по какому праву? – он посмотрел на дону. – Я вас спрашиваю, по какому праву эти хамы так себя ведут? – рвало его долго и изнурительно.

– Из-за гранат? – осторожно предположил Винценцо и покосился на кучку пепла и непрожаренный бифштекс, оставшиеся от женщин, которых он так и не познал.

Сбоку раздался вскрик. Оба повернулись.

Футболист Эдуарду облокотился о стену и держался руками за голову. Его белая рубашка сливалась с кирпичами. Казалось, что его голова как будто возникла из воздуха; ширинка была расстёгнута, и из того места, которым так часто в сборной хвалился Эдуарду, сочилась кровь.

– Не уйдешь! – мужчина в черном плаще и с налобным фонариком рубанул сплеча. Ржавый топор поставил жирный крест на политической и пи... растической карьере. – Не забывайте, падлы, Сталинград! – мужчина исчез, мячепин рухнул, длинная полоса нечистой крови, словно граффити, украсила стену надписью: «Что-то жаждет крови! За твоей спиной на стене растёт тень! Оно почти рядом!»

Прочитав надпись в полный голос, дон усмехнулся.

– Что творится, – слабым голосом сказал Миша. – Буквально плюнуть некуда, чтобы не угодить в потеки. Что это значит? – разгорячившись, он снова запылал лицом, будто задгамадрила.

– Вы... неизлечимый импотент... – вытащил из-за голенища сапога раскладной нож, чтобы поиграться.

Наблюдая из подворотни эту сцену, натурализовавшаяся дворница – монголка, бывшая учительница балетных танцев Мари Бибигуль еле сдерживала смех. В такие минуты она, как никогда, понимала важность своего дела. Ей ничего не угрожало, она всегда предохранялась, а пепел и так ветром унесет. С тех пор, как один из высших чиновников осмотрел ее в кабине, в котором она познала вкус резины, мужчин Мари люто ненавидела и предпочитала заменять их метлой и грабоидом. И ладно бы чиновник пользовался привычным латексом, но он оказался приверженцем «особого пути» и «традиционных ценностей» вкупе со «скрепами» и пользовался резиной из переработанных шипованных покрышек огромных грузовиков.

Теперь, снедаемая беспокойством, она, не переставая, теребила помпоны грудиподдержки, жёлтые, как её локоны. Кожаный ремень, к которому крепилась юбка из таких же кожаных ремней, произвольно трясся в такт. Кокетливо заправила белокурую прядь за ухо, и на мизинце тускло блеснуло серебром кольцо. Мари считала, что в свои двадцать четыре, со средним специальным образованием, еще неплохо устроилась.

– Кто тут таки импотент? – человек с резкими чертами: прямой нос, пышные усы и сощуренные глаза; попыхивая трубкой, подошел к мужчинам. – Позвольте представиться! Мортимер Барроуз, тот, кто поднимет любую боеголовку...

– Но... как? – растерялся Миша.

– Исцеление есть всегда, и это ты сам, – красные челюсти с черными зубами зашевелились. – Но для надежности есть виа гра, фуа гра, жареные маршмеллоу, вуко-вуко и корень трахинации в новой, экономичной упаковке, – глаза ярко горели огненным заревом.

– А что такое жаренные маршмеллоу? – спросил Миша.

– Это такие штуки, похожие на плотный зефир, традиционное пиндосское блюдо для пикников и так просто. Они их насаживают на палочки и поджаривают над костром, будто грешников в Аду.

– Вот ты и допустил ошибку! – рука Винценцо, будто сама по себе, метнула нож точно в сонную артерию Мортимера. – Вуко-вуко есть орудие Дьявола!

«Неужели я заслуживаю быть здесь? – в сотый раз спросила себя Мари. – Я ведь просто хотела жить полной жизнью...»

– Раз, два, три – елочка, гори, – произнес в тишине из громкоговорителя неестественный, грубый голос Василия Уткина и елка у подножия памятника полыхнула как микрочернобыль.

– Да ничего я не гей, я просто комментировал геев, но череп даже не пытался мне помочь, а-а-а, – на этом возгласе его голос взвизгнул, скорее всего, таким визгливым он и был на самом деле.

Из громкоговорителя донесся звонкий удар, звон лопнувшей пустой головы, шум падения грузного, обмотанного шарфом тела.

– Так будет с каждым! – зловеще пообещал голос Михаила Ивановича и громкоговоритель, задымившись, затих.

Лучи заката едва пробивались сквозь гущу плотно прижавшихся друг к другу деревьев Лихолесья, сплошь затянутую мелкой железной сеткой. Роб Любомир задумчиво доедал последний коробок спичек. Еще в рюкзаке затаились соль и почти пустая фляга с бодрящим напитком. Хорошо, что патронов для старого ружья еще должно было хватить на ужин и завтрак – мировой энтузиазм, как семенной бык, покрывал планету.

– Если тебя окликнет кто, позовет со стороны знакомым голосом, шуметь станет – обобщиваться или откликаться ни в жисть нельзя, – томно закатив глаза, поучительно сказала Кира Лебедяна, сухо треща в предночном спокойствии черными костяными бусами на шее. – Почечуй тебе в зад...

И тут же резкая боль: в задницу Роба вцепился хитрец, подкравшийся сзади. Любомир испуганно дернулся и почувствовал облегчение. Рядом рухнул хитрец. Удар топора разmozжил его череп без всякой ненужной полемики. Из воздуха вышел путник в темном плаще, на фоне которого явно проступали впавшие щеки, глубоко посаженные глаза и общая бледность кожи; подошёл в упор, посветив налобным фонариком, протянул руку, призывая продолжить путь.

– Нет. Только утренний, – и натужно улыбнулся, позвякивая под плащом.

– Вы понимаете, я – «сова»! Мне трудно, – Роб говорил тихо и неуверенно – трудно просыпаться в пять утра и заниматься делами, – старался не пересекаться с ним взглядом и приготовился к роли пассивной жертвы, – я могу ошибиться, а мои ошибки будут причиной какого-нибудь ЧП!

– Чеши, куда сказано, паразит, а то ляжешь рядом. Исчезни! Слишком мало осталось не сильно попорченных мутациями и болезнями особей репродуктивного возраста, чтобы упустить такой прелестный шанс, – ему вторил тихий мелодичный перезвон.

Роб Любомир облился холодным потом, думая о том, что его постигнет та же участь. Интересно, что чувствовали люди, осуждённые на казнь? Наверное, страх. С другой стороны, ведь исчезает призрак неизвестного, будущее (хотя и довольно непродолжительное) понятно и предельно предсказуемо. Чего бояться? Зачем?

– Чешите вперед, а там плодитесь и размножайтесь! «Матрица» вас ждёт.

Девушка затылком чувствовала, как у него текут слюни – липкие брызги попадали прямо на волосы, коля сотнями невидимых игл. Не спасал даже дизайнерский противогаз фирмы «Можем повторить!». Стекло сухо хрустело под сапогами. Подол сарафана потемнел, напивавшись утренней росой, и лип к ногам при каждом легком шажке. В голове девушки вихрем прокручивались события последних дней. Странные встречи, удивительные места и, в результате – долг, который предстоит возвращать много лет, даже если согласятся взять натурой. Но она не сомневалась, что поступила правильно. Кира выдернула из сапога нож. Это было глупо, очень глупо! Ржавый обух прилетел прямо в лоб, укрытый скользкой резиной.

– Будешь один размножаться, – засмеялся железозвонкий мужчина и погасил фонарик. – Не повезло тебе, братан.

– Я же вас предупреждал насчет ЧП, – слегка повеселел Роб. – Вот оно и случилось, как по утреннему плану.

У Любомира сладко заныли чресла, согревая изнутри и пьяня пошибче иной медовухи.

– Бабы, они завсегда ЧП. Все ходят и ищут грубый ствол заместо семейного уюта, а находят только пеньки посреди леса... Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня, – пропел он.

– Да, бывает такое. У меня тоже знакомый есть, негр. Поймала его одна старуха...

– И?

– И вот Джимм работает у нее содержантом, а никто с ним не общается. Он теперь как аутист. Или как немой.

– Все лучше, чем белого господина ублажать, – не согласился «дровосек». – Негры, они нынче в цене, после Роя Джонса-то. К ним подтягиваются самые древние беззубые бабки и молодящиеся политики – лапотники. Такая вот «чёрная» сфера влияния. Кстати, чего она в противогазе-то ходила? – кивнул на покойницу.

– Не была самой взрачной молодкой на выселке возле Диксона, – вздохнул Любомир.

– Небось лесбилась? – мужик деловито почесал в паху, породив новую порцию благовеста. – Они, которые на крокодилов похожи, боятся леших, оборотней, водяных да навок, потому норовят либо в феминистки, либо в фигурастки.

– А в фигуристках?

– Я ж и говорю, фигурастками становятся, а потом хлещут кровь народную в годину олимпийскую.

– Я отойду? Нужно облегчиться... по крупному...

– Не стесняйся, мне пора относить купон бесплатного объявления, – мужчина растаял в воздухе, оставив Любомира одного (не считая пары трупов, но кто еще считает?).

Каждый раз, когда его одолевали сомнения, диверсант Куцый закрывал глаза и мысленно воссоздавал образ дома. Вершины исполинских деревьев, кроны которых достигали небес. Там, среди гигантских ветвей, покрытых пестрой листвой, свободно царил его род, поклоняющийся олимпийским идолам. Представлял и сейчас, но кто-то, будто по малой нужде, топтался под деревом, мешая сосредоточиться. Куцый открыл темные зеленые глаза. Видение исполинских деревьев исчезло. Покрывавшие крепкое, мускулистое тело перья взъерошились.

– Однако мы находимся накануне грандиозного шухера, – пробурчал он и соскочил. – Что тревожит тебя, незнакомец? – спросил у мародера, снимавшего с трупа девушки сарафан и противогаз. – Пытаешься ли ты добраться до бутона цветка, пока она не остыла; или в шахту, давно заброшенную, пустую и холодную; или лишь ищешь модную одежду?

– Ты кто? – вздрогнул Любомир, уронив резиновую добычу.

Загляни он в глубину сознания Куцего, одетого в простую тёплую рубаху, гуцульскую жилетку, рабочие ботинки и в очки с тонкой оправой, ужаснулся бы. Хотя ему хватило

и вида покрытых перьями крепких ног, постоянной зависти страусов из контактного зоопарка Вологды.

– Скоро узнаешь.

– На петуха похож... – Роб с надеждой посмотрел за спину свидетеля, но человек с топором, видимо, был занят. Наверное, объявление не приняли.

– Ты клювом-то не щелкай, базар фильтруй – Куцый сразу столкнулся взглядом с резервуаром, заменявшим Робу мозг. – Выискался тут ШанБанько, – посмотрел под ноги. Без противогаса и сарафана обнаружилась уверенная в себе брюнетка с длинными ногами и аккуратной стильной причёской, возраст которой так и не удалось определить. – Девку ни про что загубил, душегуб ошипанный, – достал из чёрного мешка из грубого полотна обычный стальной цилиндр, как все привыкли, но этот почему-то излучал голубоватый свет. – Душерейка... Возьми и засунь ей... Это поможет...

– Что это такое? – Роб задумчиво рассматривал мертвое тело, прикидывая, как с ним поступить. – Что за бионейронная пуля?

– Энергия жизни. Сила души. Я сам затрудняюсь сказать точно. Её можно собрать и использовать, и именно этим я и занимаюсь, – Куцый держал морду тупой, будто идущий на шестой срок политикан. – Я человек простой, работал сантехником, а вот почитал Перельмана и начал сетками собирать души...

– На какое время она рассчитана, душерейка эта?

– Два месяца.

– Убери свою грязную батарейку, извращенец! Не позволю в Киру совать всякую железную гадость! Засунь ее себе в жо... – Любомир осекся: показалось, что воздух замерцал и донесся тихий печальный перезвон.

Голубоватый луч, пробившийся сквозь ночь, разбудил байкера Оглифа. Он потянулся и сладко зевнул. Прерванное сновидение ещё стояло у него перед глазами, но образы размывались, уступая место реальности. Неподалеку кто-то пререкался из-за жопы, пахло кровью, в ночном воздухе, словно аромат фиалок летали нежные нотки разложения, причем не только морального. Сон окончательно покинул его.

– Вечный сюжет: человек, наркотики, деревня, собака. Мораль: побег от себя – это всегда в финале рваная срака, – пропел он, подхватил перфоратор и черную ректальную свечу и двинулся к спорщикам. – Здорово, рабы, – подойдя, рявкнул он. – Я предлагаю обсудить хорошие ботинки, пиво и здоровенные сиськи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.